

Ключ от миража

Автор:

Татьяна Степанова

Ключ от миража

Татьяна Юрьевна Степанова

Чужой дом, чужая квартира... Никогда еще сотруднице пресс-центра УВД Кате Петровской не было так одиноко и так страшно. Но оперативная ситуация требует, чтобы в огромном доме, где происходят мрачные и на первый взгляд бессмысленные убийства, находился свой человек. Собрано множество фактов, а вот в убедительную версию они не выстраиваются. Очередное убийство, произошедшее чуть ли не на глазах у Кати, не добавило ясности в это темное дело. И все же Катя чувствует, что разгадка таится в мощных стенах дома, в его темных окнах, сумрачных лестницах, в одном мрачном дне далекого прошлого...

Татьяна Степанова

Ключ от миража

Пролог

Чтобы прикоснуться к тайне, необязательно отправляться за тридевять земель. Достаточно порой оказаться на Ленинградском проспекте. Через широкую арку зайти во двор девятиэтажного кирпичного дома и в тот же миг перенестись в неизведанные земли, в тридешатое царство, исполненное тайны, даже еще и не подозревая, что оно действительно существует.

Зимний вечер в городе. Самый обычный вечер. Ленинградский проспект сияет огнями. Красные, желтые, оранжевые – они вспыхивают, мигают и гаснут. И снова загораются, сливаясь в разноцветный хоровод. Сотни огней, сотни машин, тысячи ярко-желтых квадратов освещенных окон. Кто спит в Москве в восьмом часу вечера? Никто не спит. Так, по крайней мере, кажется и тем, кто на улице, и тем, кто уже дома. Кто встает с кресла, подходит к окну, смотрит через затуманенное стекло. Но видит там лишь смутные тени, оранжевые огни и свое собственное отражение в черном квадрате, обрамленном серой от дождя и непогоды рамой.

Женщина из окна смотрит на улицу: фонари, шум машин, лязг трамваев, голоса прохожих. Она все это видит, все слышит. Но ничего не замечает. Она присаживается боком на широкий холодный подоконник, смотрит и думает о чем-то своем. И улыбается, скользя взглядом по сдвинутым в сторону керамическим горшочкам – там цветут фиалки и вот-вот должен распуститься долгожданный гиацинт.

Комнатные цветы милы женскому сердцу. Потому что они цветут даже зимой. И напоминают о любви. Женщина дает себе слово, что не забудет полить цветы на ночь. И потом не забудет снова наполнить водой бутылку, чтобы дать воде отстояться. Как мало надо этим комнатным символам любви. Но хлорка, очищающая воду, губительна. Она бьет не только микробов и плесень. Она убивает романтизм. Прогоняет мечту. Возвращает к реальности.

Женщина прислушивается: в квартире – тишина. Верхний свет погашен. Зажжена лишь настольная лампа. И телефон молчит. Но ничего. Это еще не смертельно. Ведь сейчас всего-навсего восемь часов вечера. И тот, кто должен, кто обязан позвонить сегодня, наверное, еще не вернулся с работы домой.

Женщина наклоняется и берет с кресла маленькую темную коробку. Гладит глянцевую поверхность крышки, но не открывает ее, словно не хочет заглядывать внутрь. Откладывает коробку, а потом снова берет в нерешительности. И снова откладывает.

Шум за окном отвлекает ее внимание. Шум мотора въезжающей во двор машины. Женщина оживляется, вскакивает на подоконник, тянется к форточке, распахивает ее настежь, выглядывает и... Нет, нет и нет. Это совсем не та машина. Другая. Чужая. Кто-то приехал домой с работы. Возможно, сосед. Вариантов множество, и с первого раза никогда не угадаешь. Женщина

захлопывает форточку, неловко спрыгивает с подоконника. Вот и все. Наверное, это все на сегодня. Она смотрит на часы – как медленно ползут стрелки, эти чертовы стрелки...

Приглушенный звук нарушает тишину. Женщина прислушивается. Вот опять. Снова и снова. Плач ребенка. Из-за стены, из чужой квартиры – плач, еле-еле слышный и тем не менее так назойливо врывающийся каждый вечер в вашу комнату, в ваши мысли, в ваше одиночество.

Женщина бросает так и не открытую коробку на кресло. Идет на кухню, берет бутылку с уже отстоявшейся водой и аккуратно и бездумно, точно послушный домашний робот, начинает поливать цветы. Эти комнатные символы любви.

Глава 1

Жертва разбоя

Жизнь сразу начинает казаться серой и безрадостной, а существование тяжким бременем, когда на улице хлопьями валит мокрый февральский снег, а ваша машина вдруг ни с того ни с сего предательски глохнет посреди дороги.

Екатерина Сергеевна – Катя Петровская, в замужестве Кравченко, – криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области, даже толком не представляла себе, где она находится. Вместе с телеоператором пресс-центра Марголиным она возвращалась из Реутова. Там находился военный госпиталь, где лечились раненные в Чечне омоновцы. О них Катя и оператор делали телерепортаж. Но на обратном пути машина – старенькие, обглоданные коррозией «Жигули» – отдала концы прямо посередине забитого автомобилями, укутанного снежной мглой Горьковского шоссе. Марголин чуть ли не по звездам определил направление – мол, мы где-то на подъезде к Окружной. Вдвоем с Катей они вышли из машины, открыли капот и тупо уставились в автомобильные внутренности. Марголин хотя бы имел представление, где там мотор. А Катя после нескольких занятий в автошколе смутно помнила только одно железное правило: если из капота внезапно повалил пар, как из вскипевшего чайника, нельзя сразу же отвинчивать пробку на какой-то там железке. Можно ошпарить руки. Но как выглядит эта железка с пробкой, Катя уже не помнила. К тому же в

этом конкретном случае пар не валил. Машина просто тихо засипела и дальше не поехала. Финита.

– Может, просто бензин кончился? – со слабой надеждой предположила Катя.

Марголин мрачно хмыкнул и буркнул что-то насчет какой-то «искры», которая «не проскакивает». Где не проскакивает? Катя готова была схватить из багажника молоток и стукнуть сначала по предательнице-машине, потом по затылку неумехи, незнайки, растеряхи Марголина. Он ездил на «жигульке» лихо, руль крутил так, словно хотел оторвать с концами, но починить на месте какую-то там «искру» не мог!

– В чем дело? Поломка? Почему тогда знак аварийной остановки не выставили? Хотите, чтобы в вас врезался кто-нибудь?

Хмурый мальчик в форменном комбинезоне и ярко-салатовом жилете ГИБДД походкой охотящегося на серну барса приближался из снежной мглы посередине шоссе, игнорируя мчащиеся мимо машины. Катя уступила Марголину честь объясняться со стражем дороги. Пусть поругаются. Возраст у обоих примерно одинаков, взгляды на жизнь тоже должны совпасть.

«Салатовый жилет» ГИБДД разглядывал их служебные удостоверения весьма придирчиво, явно сначала не веря, что два этих снеговика (Катя уже перестала стряхивать снег с шубы) – коллеги и соратники по борьбе с криминальным злом. Вернув удостоверения, «салатовый жилет» с важным видом обошел машину, заглянул под капот.

– Все ясно. Откуда на такой развалюхе следujete? – спросил он, закуривая.

– Из Реутова, из военного госпиталя, – доложила Катя.

– Удивительно, как вы вообще с Никитского-то метр отъехали. Тут же... – «Салатовый жилет» ткнул жезлом в капот и изрек длинную фразу, полную технических терминов и едких выражений по неизвестному адресу. Марголин, кажется, понял, что случилось с мотором, лицо его просветлело. – Трос найдется? – спросил «салатовый жилет». – Цепляйтесь ко мне, тут пост недалеко со стоянкой, дотащу вас. Оттуда на базу нашу звоните.

Катя пискнула «спасибо».

«Салатовый жилет» окинул ее взглядом – надо же, снеговик-то женщина, и молодая, слегка подобрел и снова распорядился Марголину доставать трос и «садиться рулить». А Катю повел куда-то вперед по шоссе. Там, мигая синекрасными огнями, как НЛО, стоял белый с синими полосами «Форд» ГИБДД. Вот так и получилось, что в половине четвертого ненастного февральского дня (по календарю была пятница) Катя оказалась на посту ДПС и самым непредсказуемым образом попала в эпицентр неких событий, имевших весьма странные, загадочные и трагические последствия.

«Жигулька» отволокли на стоянку. Марголин стал звонить на базу. А Катя стряхнула снег с шубы, сняла шапку и присела на стул у окна в тесном, жарко натопленном пространстве между пультом дежурного и нагромождением каких-то ящичков. В стеклянном павильоне ГИБДД было душно, как в бане, и светло, как в аквариуме. С улицы то и дело заходили патрульные, перебрасывались с дежурным фразами и снова скрывались за стеклянными дверями в снежном тумане. Погода вызывала у дежурного резкое осуждение. Именно от него Катя услышала странное выражение «четвертьнулевая видимость».

На стоянку подрулили еще несколько патрульных машин с мигалками. Начинался развод. ГИБДД стягивала силы на опасные участки трассы. Все разговоры вертелись вокруг каких-то «противотуманок» и «прямых попаданий». Вернулся Марголин и сообщил новость: машину придется оставить на стоянке до утра. Надо было думать, как добираться до ближайшего метро.

– Погрейтесь пока, чайку вот попейте, – к Кате подошел тот самый «салатовый жилет». Из-за комбинезона и толстой куртки с надписью «ДПС» он казался почти богатырем. Он вручил Марголину термос, а Катю угостил апельсиновой карамелькой. После грозного окрика на дороге по поводу какого-то там аварийного знака это было не совсем логично. Катя развернула карамельку и сунула за щеку – вкусно. А в автошколе пугали, что все гаишники – кто? Ну, одним словом...

– Значит, из пресс-центра нашего? – поинтересовался «салатовый жилет». – Пишете все. Про нас хоть бы кто слово написал.

Катя сказала, что «уж вашу-то службу вниманием никто не обходит».

– Ну да, – хмыкнул «жилет». – В прошлом году прислали какого-то дедка с бородой, фотокорреспондента. Все на операцию, бедный, рвался, в натуре процесс заснять. Взял я его, сжалился. На «Арсенал» – машины досматривать на оружие, наркоту. А ночью как мороз ударил за тридцать, гляжу – дед-то мой посинел, руки камеру не держат. Намучился я с ним, отпаивать пришлось, и не только чаем. А потом он...

– Ну, ты не очень-то распространяйся... Все же пресса, – усмехнулся дежурный, косясь на Катю. – А то дадут тебе потом за это «не только чаем».

«Салатовый жилет» обернулся к Кате.

– Погрейтесь пока с полчаса. – Он понизил голос. – Я сменяюсь. Доброшу вас в Москву. А вы в субботу вечером что делаете?

– А что? – спросила Катя, разглядывая его.

– Вы на лыжах катаетесь? У нас тут места есть, лыжня хорошая.

Катя улыбнулась: на лыжный марафон ее еще никто никогда не приглашал. Это даже как-то чудно. Сказал бы еще – на каток.

– Я не катаюсь на лыжах, – сказала она. – За то, что подвезете, большое спасибо. Вы и так нам очень помогли. Если бы не вы – ночевать бы нам сегодня на дороге.

– А вы сами машину водите? – спросил «салатовый жилет».

– Только учусь.

– Где?

– В автошколе, конечно.

– Ерунда. Я вас сам научу. В эту субботу первое занятие. У меня машина. Договорились?

Катя засмеялась, смутилась: напор и натиск. И все это под любопытными взглядами Марголина и дежурного. Когда «жилет» скрылся за дверью, дежурный по-отечески ободрил Катю:

- Да вы не обращайтесь внимания. Балабол – он и есть балабол.

Он хотел развить эту тему далее, но тут дверь снова распахнулась, и вместе с февральской вьюгой на пороге возник незнакомый гражданин. Он сразу бросился к стойке и осипшим голосом закричал на всю дежурку:

- Помогите, на меня напали! Украла машину... Я... Боже, я даже не знаю, где я... Это... это ведь не Ленинградское шоссе?!

Когда «салатовый жилет» зашел за Катей и Марголиным, они в один голос попросили подождать их. Катя хотела дослушать до конца историю о разбойном нападении. Если повезет, из этого мог бы сложиться неплохой репортаж о «раскрытии по горячим следам».

Фамилия незнакомца оказалась Бортников, имя Александр Александрович. Дежурному пришлось поверить ему на слово, потому что ни водительских прав, ни документов у Бортникова не было.

- Все в машине было, все украли. А меня затолкали на заднее сиденье, ударили и куда-то повезли. – Бортников задыхался от волнения. – А потом на снег выбросили. Я по дороге шел, там все какие-то садовые участки, ни души кругом. Я даже не знал, где я нахожусь.

Катя разглядывала потерпевшего. На вид Бортникову было лет тридцать пять. Он был маленького роста, однако жилистый и крепкий. Заметно поредевшие пепельные волосы его были коротко, по моде, острижены. Короткая коричневая дубленка была местами мокрой от грязи и снега. Под дубленкой виднелся теплый свитер. Шарф, перчатки и шапка отсутствовали.

Рассказ Бортникова был короток и сбивчив. Дежурному несколько раз пришлось переспрашивать его.

– Вы поймите, я никак не ожидал... Я ехал на машине из аэропорта, из Шереметьева.

– На своей машине? Марка, госномер, цвет, приметы? – Дежурный сразу взялся за трубку.

– На служебной. Я работаю в авиакомпании «Трансконтинент», у нас офисы в Шереметьево-1. Машина авиакомпании, не моя. «Волга» номер... черт, сейчас, одну минуту, никак с мыслями не соберусь даже... Синяя «Волга», служебная, номер... – Бортников с трудом вспомнил цифры. – Обычно мы ездим не на ней, а...

– Кем вы работаете в авиакомпании? – спросил дежурный, записывая его показания в журнал.

– Я начальник службы охраны... безопасности, одним словом. За нами закреплено несколько машин, но сегодня я поехал на этой «Волге».

– Куда вы ехали?

– В центр, в Палашевский переулок, там расположен наш банк. Но выслушайте же меня. – Бортников снова заторопился: – Я ведь даже на Ленинградку не успел выехать. А их я даже не видел. Они откуда-то сбоку вывернулись – вишневая «девятка» с тонированными стеклами. Обогнали, подрезали меня, к обочине прижали. Я им едва крыло не смял. Дорогу загородили. Я думал, это из-за ДТП, но... Двое вышли и ко мне – один дверь рванул с моей стороны и ударил меня кулаком в грудь. Не надо меня снимать, зачем это? – Бортников резко отвернулся от Марголина, наставившего на него объектив камеры. – Значит, в грудь меня ударили, аж дух захватило от неожиданности. Вытащили меня вдвоем и запихнули назад. Один пистолет мне к ребрам приставил – сиди и молчи, говорит, дернешься, пристрелю. Второй сел за руль. И куда-то повезли меня. Этот, что со мной сидел, шапку мне на глаза надвинул. Долго ехали, часа, наверное, полтора. Потом они остановились и меня пинком вон. А сами – газу. Я поднялся – ничего не знаю, где я, что за место? Снег валит, дорога какая-то проселочная... Кладбище, участки вроде садовые.

– Во сколько вы выехали из аэропорта? – спросил дежурный.

– В половине второго.

– А сейчас без четверти пять. И это не Ленинградское, это Горьковское шоссе. Не Москва, область.

– Черт! – Бортников стукнул кулаком по колену. – Ну да, они же долго меня мотали. Но чтобы столько времени прошло...

– Вы нападавших-то в лицо запомнили? – подала голос Катя. Она украдкой записывала показания Бортникова в блокнот – пригодятся, если дело раскроют.

Бортников резко обернулся. Видимо, он принял ее за сотрудника или за секретаршу.

– Да я... да они мне каждую ночь, эти твари, сниться будут! Конечно, запомнил, рожи бандитские. Два кавказца. Молодые, лет по двадцать. В шапках таких шерстяных, ну маски-шоу, в куртках кожаных. У того, что меня держал, кажется, нос перебит. Прямо перед глазами они у меня стоят до сих пор. В жизни такого не забудешь...

– Хорошо не убили еще, – философски изрек Марголин.

Дежурный связался с управлением и местными отделами, передавая приметы похитителей и «Волги».

– Подождите, я еще не все сказал, – Бортников страдальчески поморщился. – Машина-то черт с ней совсем, права мои, документы, ну и это ладно. Главное-то ведь... Они наверняка следили за мной от самого аэропорта. Им все наверняка известно было.

– Что? – спросил дежурный.

– Деньги я вез, понимаете? Сегодня пятница – последний день срока платежей по кредитам. Я вез деньги в банк в Палашевский переулок. Деньги нашей компании. Они были в кейсе, рядом со мной на сиденье.

– И что – большая сумма? – спросил дежурный.

Бортников затравленно оглянулся на присутствующих и нехотя кивнул.

Глава 2

Жильцы

Надежда Иосифовна Гринцер не переносила февраль. Каждый день затяжной пасмурной оттепели отдавался в ее висках тупой болью. Давление скакало. Предчувствие неумолимо надвигающегося нового снегопада наполняло тело свинцовой тяжестью. В феврале Надежда Иосифовна, по ее собственному признанию, чувствовала себя так, словно ею завладело какое-то невидимое глазу злобное существо, которое высасывало из организма все соки, как беспощадный и жадный паразит. В такие тяжкие дни нечего было даже и помышлять об уроках на дому. Ученики не приходили. А до музыкальной школы на Старом Арбате, где Надежда Иосифовна раньше преподавала, она давно уже не в силах была добраться общественным транспортом.

Обычно день начинался с того, что, проводив дочь, Надежда Иосифовна прикладывала ко лбу по старинке мокрое полотенце и читала, сидя на диване, старые газеты. Когда головокружение и мигрень немного отпускали, она завтракала, пила кофе с молоком, а затем потихоньку пыталась продолжить разборку вещей, до которых с момента переезда в этот дом ни у нее, ни у дочери Аллы никак не доходили руки.

Переезд на эту квартиру Надежда Иосифовна внешне восприняла спокойно, но внутри очень тяжело. Как она постоянно жаловалась по телефону всем своим многочисленным знакомым – «еще бы чуть-чуть, и мне уже надо было ехать на Ваганьково». Ей до сих пор каждую ночь снилась их прежняя квартира – та самая, в старом сталинском доме у «Белорусской». Эту большую удобную квартиру получал еще отец Надежды Иосифовны. Там прошла вся ее жизнь, все семьдесят лет. Шутка сказать! Туда еще женихом Борис Гринцер, будущий муж Надежды Иосифовны, носил вот такие охапки белой сирени. Ах, как он умел красиво ухаживать! Они познакомились в пятьдесят четвертом на первом курсе консерватории, а поженились в пятьдесят седьмом. Борис был старше ее, сильно хромал – сказывалось ранение. Но она тогда, полвека назад, сразу выделила его

из всех. С первого взгляда. Букеты сирени, в принципе, никакой роли уже не играли. На той старой квартире в пятьдесят восьмом родилась их старшая дочь Алла, а через десять лет младшенький, долгожданный, – Леонид. И горе пришло туда же, в те старые привычные стены, когда умер муж.

Но даже после его смерти они так хорошо, так долго, так уютно и так дружно жили втроем в просторной большой светлой квартире у Белорусского вокзала. До прошлого года, пока вдруг Леонид в один прекрасный день не объявил: «Мама, я женюсь».

И все сразу полетело кувырком. Привычный уклад жизни рухнул. Наступила эра перемен и «переселения народов». Старую квартиру продали. Леонид съезжался с женой, а для Надежды Иосифовны и Аллы подыскали через жилищные фирмы подходящий вариант двухкомнатной квартиры. Выбор района и дома Надежда Иосифовна целиком доверила дочери. В конце концов, ей ведь жить там в будущем, когда... Когда, образно говоря, старое, отжившее сойдет со сцены, перестав коптить небо. И ждать этого не так уж и долго, увы...

Надежда Иосифовна поставила лишь одно условие: невысокий этаж. Эта квартира Алле понравилась – вроде бы просторная, двухкомнатная, большая. И этаж подходящий – четвертый. И дом хороший, крепкий, вроде бы, как она говорила, чем-то отдаленно напоминавший тот старый, родной.

Однако Надежда Иосифовна сходства между домами никакого не нашла. Новая квартира располагалась на Ленинградском проспекте рядом со станцией метро «Сокол». Дом был кирпичный девятиэтажный начала шестидесятых. Некогда он считался ведомственным и принадлежал какому-то проектному институту. Дом этот Надежда Иосифовна прекрасно знала: в прежние времена здесь был известный всей Москве магазин «Смена». И сама Надежда Иосифовна сколько раз, бывало, приезжала сюда, в этот магазин, и тридцать, и тридцать пять лет назад и выстаивала жуткие очереди, чтобы купить подростке Алле демисезонное пальто, а младшему Лесику лыжный костюм.

И тогда, тридцать лет назад, этот дом казался ей настоящим дворцом, построенным по последнему слову архитектуры и градостроительства. Но сейчас все его великолепие померкло. Это была всего-навсего массивная монолитная кирпичная коробка, точнее, несколько коробок, потому что в доме было несколько корпусов. Коробка эта мало отличалась от других таких же каменных коробок, заполонивших Ленинградский проспект. Дом, выбранный

дочерью, показался Надежде Иосифовне унылым и мрачным. И как-то беспокойно стало на сердце от мысли, что вот в этом доме, видно, и придется умирать, когда пробьет час.

Однако имелось у этого дома и одно бесспорное достоинство. Гринцеры въехали в квартиру на четвертом этаже четвертого корпуса. А как раз этот корпус был только-только после капитального ремонта. Это и было то главное, что привлекло Аллу к этой квартире, – высокие потолки свежепобелены, двери, подоконники, косяки и рамы заново покрашены, стены оклеены неброскими, но качественными обоями, трубы отопления и сантехника заменены.

Узнав все это, Надежда Иосифовна дала согласие купить именно эту квартиру – потому что на ремонт другой денег все равно уже не хватало. Надежда Иосифовна считала: десять-двенадцать лет Алла спокойно проживет в этой квартире без ремонта. Потому что одна, без мужа, она не осилит эту адскую канитель никогда.

Дочь замуж так и не вышла. Ей было уже за сорок. И разговоры о замужестве между ней и Надеждой Иосифовной уже более не возникали. Втайне Надежда Иосифовна сильно переживала и тревожилась за дочь. Как же так? Такая умная, красивая, с высшим образованием, эрудированная, тонкая, добрая, хозяйственная, такая верная, честная, нежная, заботливая дочь и до сих пор одна. Старая дева. Вековуха.

Сын Леонид женился в тридцать два на хорошей женщине с хорошей зарплатой и из хорошей семьи. А вот Алла... Надежда Иосифовна вздыхала: нет, все как-то не везет дочери в этих самых делах. А какие надежды были, какие планы! И ведь ухаживали за ней, когда ей было и двадцать, и тридцать, и даже тридцать пять. А потом все как-то... Старые подруги Надежды Иосифовны активно пытались помочь: кого-то рекомендовали, находили женихов через знакомых знакомых, сватали. Но и тут все как-то не выходило. Один кандидат в мужья оказался скрытым запойным алкоголиком. Второй давал согласие на брак, но только с условием выезда за рубеж на постоянное место жительства. Алла же ехать не хотела. А третий... Третьему жениху Надежда Иосифовна отказала от дома сама. В первый раз он явился только для того, чтобы «посмотреть жилплощадь», в чем без зазрения совести признался будущей теще. Это случилось еще там, на старой квартире. Два года назад.

А в эту въехали в конце сентября. Перевезли вещи, мебель. С какими адскими трудами втаскивали на четвертый этаж по лестнице рояль! Пришлось платить грузчикам двойную цену. На старой квартире рояль стоял в зале и никому не мешал. А здесь он сразу же занял почти всю Аллину комнату. И шкафы с книгами по истории музыки и нотами, которые всю жизнь собирал покойный муж Надежды Иосифовны, пришлось размещать в коридоре. А он и так был страшно узкий и темный – ни толком раздеться в прихожей, ни сесть с телефоном в старое кресло, всласть потолковать с приятельницами о здоровье и телепередачах, не мешая дочери заниматься с учениками. С конца сентября в коридоре до сих пор громоздились неразобранные коробки и ящики. В углу пылился свернутый ковер. А чтобы пробраться в ванную, в туалет или в кухню, надо было чуть ли не прижиматься к холодной, выкрашенной тусклой розовой краской стене.

А в туалете, несмотря на недавний ремонт, уже отвалилась наверху плитка. К тому же за стеной у соседей часто плакал ребенок. Особенно вечерами, когда за окнами темнело и ветер бросал в стекла пригоршни колючего снега.

Кроме всех этих досадных неудобств, Надежда Иосифовна на новом месте еще много чем была недовольна. Ученикам, например, приходившим и к ней, приходилось теперь добираться до «Сокола», а прежде почти все они жили рядом. Часто занятиям мешали разные посторонние шумы: ремонт в доме вроде бы закончился, но и на третьем этаже, и на восьмом, и на девятом что-то там доделывали – стучали молотки, свистели дрели, ревели машины, циклевавшие паркет.

В четвертый корпус за месяцы, прошедшие после капремонта, въехало подозрительно мало жильцов. Надежда Иосифовна познакомилась во дворе с Клавдией Захаровной Зотовой. Они были ровесницами и гуляли по утрам и вечерам почти в одно и то же время. Надежда Иосифовна просто дышала воздухом, а Зотова с седьмого этажа прогуливала старого, страдавшего астмой и ожирением пекинеса Кнопку.

Зотова охотно по-соседски рассказывала о многих полезных вещах: к какому часу надо подходить в местную поликлинику, чтобы уж наверняка записаться на прием к участковому терапевту, где находится ЖЭК, как правильно пользоваться этим новым ключом-магнитом от домофона. Рассказывала и о жильцах – кто в какие квартиры, на каких этажах уже въехал. О себе, правда, Зотова не слишком-то распространялась. Надежда Иосифовна узнала лишь то,

что Зотова живет в трехкомнатной квартире с сыном, невесткой и взрослым внуком. Чуть позже она увидела этого самого внука. Звали его Игорем, было ему уже восемнадцать лет, и от армии у него была какая-то там отсрочка (Клавдия Захаровна всегда это подчеркивала, но никогда не уточняла). Молодой человек нигде пока не работал, к пожилым людям выказывал мало уважения и однажды чуть не до смерти напугал Надежду Иосифовну на лестничной клетке, неожиданно прыгнув с лестницы, грохоча по ступенькам высокими шнурованными башмаками.

Но Клавдия Захаровна Зотова во внуке души не чаяла. Надежда Иосифовна, из деликатности и чтобы не портить с соседкой дружбы, не высказывала ей своего недовольства и тревоги по поводу подрастающего поколения. Даже после того случая, после той возмутительной драки во дворе она Зотовой ни одним словом ни о чем не намекнула.

Да, странный был какой-то случай. Непонятный. Надежда Иосифовна сидела у окна в кресле, читала. Мальчишки во дворе галдели, а потом начали так грубо, по-взрослому ругаться. И кто-то вдруг дико, истошно заорал. И такими словами начал выражаться – одним словом, ужас. Эх, дети-дети, учить вас некому, воспитывать...

Наутро прошел слух, что кого-то вроде убили возле «ракушек» на выходе со двора. Слух не подтвердился – не убили, а только чем-то сильно ударили по голове: то ли прохожего постороннего, то ли кого-то из тех дравшихся во дворе парней.

А затем однажды Надежда Иосифовна встретила в лифте молодого человека в милицейской форме. Он представился местным участковым, однако фамилии своей не назвал. Надежда Иосифовна вышла на своем четвертом этаже, а он поехал выше. И вышел на седьмом, и, судя по всему, звонил в квартиру именно Зотовых.

Надежда Иосифовна хорошо запомнила тот день: драка во дворе произошла накануне того, как во двор приехала свадьба. В одну из квартир вселялись молодожены. По слухам – снимали квартиру, а не покупали. Конечно, откуда у молодых-то деньги! Но у этих деньги вроде водились. Потому что снять квартиру, да еще, как говорила Клавдия Захаровна Зотова, с мебелью и полной обстановкой, в таком доме на Ленинградском проспекте – это в какую копейку влетит! А у них, у молодоженов, была еще и машина хорошая. Надежда

Иосифовна сколько раз видела ее во дворе – красная такая, маленькая. Правда, Алла говорила – не иномарка. Настоящая иномарка была у соседа Надежды Иосифовны по этажу. Его звали Евгением. Он уже успел поставить в своей квартире железную дверь. Два дня работали мастера из «дверной» фирмы. Надежда Иосифовна от скуки живо интересовалась этим делом – времена-то сейчас какие! Она сама ходила смотреть дверь, а затем позвала посмотреть и Аллу.

Сосед не возражал. Надежде Иосифовне он понравился – культурный, вежливый, спокойный. Молодой – лет тридцати пяти. И вроде вполне уже обеспеченный. И холостой – один занимает такую же двухкомнатную квартиру, что и они с Аллой. Только уж больно высокий – прямо каланча. В лифт входит, пригнувшись, еще шутит по этому поводу.

Надежда Иосифовна велела Алле спросить у соседа телефон фирмы по установке дверей. И в результате они с этим Евгением совсем познакомились. Он даже предложил по-соседски, если что случится – ну там с пробками, с проводкой, – не стесняться и обращаться прямо к нему. Все ведь бывает при переезде. В глубине души Надежда Иосифовна даже размечталась: а чем черт не шутит, а? Вот бы жених был для Аллы подходящий. Ничего, что моложе, но...

Это было в начале октября. А сейчас на дворе стоял уже февраль. И ничего не изменилось. Только Алла стала работать еще больше. У нее появились какие-то новые ученики. Причем уроки с ними проходили только в вечернее время.

Иногда она возвращалась из музыкального училища, где преподавала, в пять, наскоро обедала, переодевалась, а потом часов до семи ждала каких-то телефонных звонков. Кто-то звонил, она хватала трубку, говорила минут пять, потом срывалась из дома на очередной урок. По ее словам, ей приходилось ездить к ученику на дом куда-то далеко, к «Водному стадиону». Однако за эти занятия ей, по ее словам, платили вдвое больше.

Домой она приезжала поздно – часов в одиннадцать. Усталая, но всегда такая веселая, радостная, такая счастливая, что...

Надежда Иосифовна ничего не имела против, чтобы Алла хорошо зарабатывала, однако эти поздние вечерние уроки, эти подозрительные звонки... Однажды она прямо спросила дочь: в чем дело? И та сразу все объяснила: состоятельный

клиент, какой-то фирмач. У него дочь готовится к поступлению в эстрадное училище. Они с ней занимаются на дому по полной программе – уроки фортепиано, вокал, сольфеджио. Приходится быть не просто учительницей музыки, но и комплексным репетитором, а ведь за это не все преподаватели берутся. Но зато и платят хорошо. А отчего уроки всегда поздние? Так ведь девочка учится днем в колледже, а потом еще и в театральной студии занимается.

Надежда Иосифовна этими объяснениями вполне удовлетворилась. Что ж, полвека назад она и сама была такой. Упорной, трудолюбивой. Готова была работать и днем и ночью, лишь бы поступить в консерваторию. Надежду Иосифовну даже умилила до слез мысль, что у ее Аллы есть такая достойная ученица. На таких детей не жаль никаких денег, никаких сил. Возможно, у девочки талант и призвание. И Алла ей поможет – она ведь отличный музыкант и талантливый педагог. Ведь каждый педагог мечтает о хорошем материале. Сейчас среди всеобщей музыкальной безвкусицы это большая редкость.

Глава 3

Потерпевший исчезает

Никиту Колосова Катя встретила в коридоре главка. Начальник отдела убийств шел по зеленой ковровой дорожке, словно солдат, вернувшийся из дальнего похода в родную деревню. Катя была рада видеть Колосова. Так случается: сначала уходите в отпуск вы, потом уходит в отпуск ваш коллега, а при встрече вы вдруг совершенно случайно осознаете, что прошла уже осень и половина зимы, а вы за это время даже ничего и не слышали друг о друге.

Начальник отдела убийств обычно уходил в очередной отпуск в то самое время, в которое нормальные люди отдыхать чураются – то есть зимой. Причем зимой не новогодней, рождественской, а самой что ни на есть унылой, послепраздничной, когда на улицах с трех часов дня – ночь, на тротуарах – лед, а в загородных домах отдыха – мертвый сезон после новогоднего бума. Как-то раз Катя из любопытства спросила Колосова о том, как он проводит свой зимний отпуск. Никита ответил предельно кратко: «Сплю». Увидев выражение Катиного лица, он пояснил:

- Ну, как медведь в берлоге спит.

- Все сорок дней отпуска ты спал? - спросила Катя.

- Угу. Красотища! - На лице начальника отдела убийств при этом сияла такая детская, такая счастливая улыбка, что Катя вопросов больше не задавала.

На этот раз при встрече на зеленой ковровой дорожке Катя решила проявить снисходительность и про отпуск Никиту не спрашивать. Просто обрадовалась:

- Ой, Никит, это ты, привет!

- Это я, здравствуй, Катя, - ответил Колосов.

И у нее сразу же появилось ощущение, что месяцев разлуки просто не было.

- По делам или в гости на огонек? - спросил Колосов.

- По делам. К транспортникам вашим.

Катя старалась отвечать ему предельно лаконичным языком, который был всеобщим языком в милиции. На том, который не привлекал постороннего внимания - иду, мол, по делам служебным за информацией для прессы не к тебе, милый мой, в отдел по раскрытию убийств, а в автотранспортный отдел розыска, чтобы прояснить ситуацию по делу о нападении на сотрудника авиафирмы «Трансконтинент». Но этот длинный комментарий так и остался за кадром. Колосов улыбнулся, пожал плечами: ну, раз ты к транспортникам идешь, так и путешествуй себе, но...

Мимо сновали сотрудники, хлопали двери кабинетов, трезвонили телефоны - сотовые, городские, внутренние.

- Ты что, волосы покрасила? - неожиданно спросил Никита.

- Нет, - ответила Катя.

– Значит, это просто так... Солнце из окна. Блики...

– Где ты видишь солнце, Никита? Здесь просто такой свет дурацкий, лампы горят...

Колосов повернулся, открыл ключом дверь своего кабинета:

– Заходи.

И Катя вошла.

– Садись, рассказывай.

Катя подумала: одни глаголы – и все в повелительном наклонении. Как же они все любят командовать. Даже когда вот так по-мальчишески вспыхивают румянцем. Даже когда бормочут что-то там о солнце и каких-то бликах на ваших волосах.

Она скромненько присела и как ни в чем не бывало завела вполне деловую светскую беседу. На языке мужа, Вадима Кравченко, это называлось обычно по-разному: «трещать», «молоть языком», «выдумывать». А на языке закадычного друга детства, Сергея Мещерского: «фантазировать и восхищаться».

Но Колосов слушал терпеливо.

– Вот ты в отпуске когда была, к нам тут тоже газетчики приезжали, – заметил он, когда Катина красноречие иссякло. – Мы с ребятами час целый на их вопросы отвечали. Шеф распорядился, никуда не денешься. Ну, то дело, это, как этого взяли, как на того вышли... А в конце один пацан с диктофоном – бух прямо в лоб нам: и чего, мол, вы, братцы, тут сидите? Зачем вам все это надо? Что, неужели некуда уйти?

Катя махнула рукой – а, брось. И поднялась с деловитым видом.

– Значит, к транспортникам торопишься? – Колосов подвинул к себе телефон. – Дела, значит, там круче некуда, надо же... Подожди. Так они тебе все равно ничего не скажут. Умрут там над своей секреткой. – Он набрал номер и включил

громкую связь, подмигнув Кате: – Сладков? Привет, Колосов. Как жизнь, дышите еще? – В переговорнике кто-то нехотя буркнул, как филин из дупла. – Что за дело там у вас с нападением на водителя «Волги»? Подвижки есть?

Катя вся обратилась в слух, жадно ловя ответы из селектора. Начальник автотранспортного отдела Сладков слыл в главке человеком тяжелым и несговорчивым. Прессу и телевидение на дух не переносил. И даже к сотрудникам пресс-центра относился с плохо скрываемой неприязнью. В душе Катя была благодарна Никите за то, что с присущей ему грубоватой чуткостью он угадал ее трудности и постарался помочь. Она слушала пересказ Сладковым событий на Горьковском шоссе, о которых и так уже знала.

– И машину взяли, и деньги? – уточнил Никита. – А сумма какая?

– Сто семьдесят пять тысяч долларов, – ответил Сладков. – Следователь в офис авиакомпании ездил, изъял часть финансовой документации. Они там говорят: эти деньги в банк везли – процент по кредиту проплачивать.

– А почему только один охранник деньги вез, без сопровождения?

– Ну, они там в компании мутят что-то. Что-то крутят. Пока ответ такой: всегда так деньги возили. Этот Бортников, потерпевший, у них вроде на очень хорошем счету, доверенное лицо управляющего, начальник службы безопасности. Но мне лично сдается – химия у них там какая-то с этими деньгами. Хоть по документам это кредитная платежка, но вполне может быть, что все это и липа. Может, просто послали этого Бортникова передать из рук в руки кому-то наличку.

– А он, зная, что его от самого Шереметьева вели...

– Никита, – Сладков кашлянул, – там, кажется мне, кое-что другое. Он нам ведь что сразу сказал, этот Бортников? Он сказал: напали на него на выезде с аэропортовского шоссе. Обогнали, к обочине прижали... Так вот, это все вранье. Мы сводки из ГИБДД получили за сутки. В то самое время, когда он говорит, что на него напали, там мертвая пробка стояла. Видимость была плохая из-за снегопада, там сразу три машины столкнулись, в зад друг другу въехали. Пока с ДТП наши разобрались, пока пробка рассосалась. Если бы на него напали на выезде, они бы все там намертво застряли на два часа и стояли бы, а не мотали его по всей Окружной.

- Ты хочешь сказать, это все инсценировка?

- Я выводов пока никаких не делаю. Я фактами оперирую. А Бортникова этого мы со следователем хотим повторно допросить.

- Ну и? - Колосов кивнул притихшей Кате: слыхала, нет?

- Ну и ждем пока. Ищем. Сегодня утром звонили ему домой - глухо. Повестку мои сотрудники ему отвезли, соседям отдали. А ты, Никита Михайлович, что вдруг этим вопросом так заинтересовался? Какая-то информация прошла по Бортникову?

- Да нет, ничего конкретного. Вышел вот из отпуска, на оперативке слышу - транспортники какое-то дело сложное раскручивают.

- Да несложное, я думаю. Если все инсценировка, а я на семьдесят процентов уверен, что так оно и есть, считай - главный подозреваемый уже налицо. Вообще, если честно, замучили нас эти инсценировки с разбоем на дороге! И какой ведь народ пошел - вор на воре.

- Ладно, понял, удачи. - Колосов дал отбой и обратился к Кате: - Ты сейчас к Сладкову лучше не ходи. Выжди до понедельника. Отыщется хмырь этот. Он ведь не судимый ранее, значит, в бегах долго не протянет. Слыхала? Сто семьдесят пять кусков к нему в руки попало. За такие деньги не только разбой на дороге инсценируешь, сказку о похищении инопланетянами сочинишь, честное слово.

- Спасибо, Никита, - Катя вздохнула: жареный репортаж о разбое явно откладывался, а дело о подлом мошенничестве и краже пока было покрыто густым туманом. - Ой, а я сказать тебе совсем забыла: у Мещерского Сережи день рождения в субботу. Он, правда, специально никого не приглашает, но...

- Ты с мужем, конечно, придешь?

- Нет, Вадим уехал. Работодатель его в деловой вояж по Сибири отправился. И в Китай потом. Бизнес расширяет. А мой при нем - и за охранника, и за няньку. Ну, это у нас правилом уже стало. Работодатель его, Чугунов, старый уже...

– Не пыльная у твоего мужа работенка. И зачем этому старику личный телохранитель?

– Для важности, они все сейчас так, – Катя усмехнулась грустно. – А если честно, Чугунов Вадима просто... Ну, не любит, а привык он к нему за все эти годы. И Вадька к старику привык. Сказал, что работать у него не бросит до тех пор, пока... Ну, я раньше тоже этого не понимала, он же часто смеялся над Чугуновым, и вообще, а теперь... Чугунов без Вадима никуда, он ему как сын, что ли, даже не знаю. Вот поехали в командировку недели на три, в Китай потом полетят. А я одна. Дома... Ладно, если не забудешь, поздравь Мещерского. Он рад будет тебя услышать. Сколько раз у меня о тебе справлялся.

– У тебя обо мне? А что ты ему сказала?

– Что не видела тебя сто лет, – Катя поставила последнюю точку в разговоре. – Ты ведь когда в отпуск уходишь, прямо исчезаешь, словно под шапкой-невидимкой.

Глава 4

Вечер, который так не любил вспоминать гражданин Мухобоев

Василий Васильевич Мухобоев прибыл в Москву по служебным делам. В родном городе Мухобоева Солигорске, удаленном от столицы на две тысячи километров, затерянном среди сопки и тайги Уссурийского края, набирала обороты кампания по выборам мэра. Василий Мухобоев считался в Солигорске третьим реальным кандидатом на этот пост и имел шансы выиграть гонку, если бы случилось чудо и двум первым кандидатам отказали в регистрации.

В столицу Мухобоев отправился за поддержкой. Ехал с двумя вечными секретаршами – надеждой и верой, с пухлым портфелем проектов, программ и предложений. Еще в Солигорске его предвыборный штаб пытался наладить контакты с руководителями неких частных корпораций, кои вполне могли заинтересоваться личностью и программой Мухобоева и оказать ему в будущих предвыборных битвах поддержку.

Мухобоев прибыл в столицу в среду и три дня ездил от порога к порогу, из кабинета в кабинет, поднимался по сверкающим мраморным лестницам, блуждал по просторным тихим коридорам учреждений, банков и министерств, топтал алые ковровые дорожки, курил, ждал по два-три часа в приемных, звонил по мобильному, снова курил, объяснял, излагал, докладывал, информировал, обещал, интриговал, угрожал, просил, умолял.

Вечером в пятницу (самолет в родной Солигорск вылетал рано утром в воскресенье) Мухобоев почувствовал себя усталым, разбитым, постаревшим на двадцать лет, опустошенным морально и физически и совершенно, совершенно лишним в этом огромном, никогда не спящем, залитом разноцветными огнями, чужом сумасшедшем городе. Он сделал все, что мог, для себя лично, своей команды и предвыборного штаба. Остальное же теперь зависело от... Ну, по крайней мере, от него, Мухобоева, уже не зависело ничего, и он это знал и переживал жестоко и горько, как переживает всякий крепкий еще, здоровый пятидесятилетний мужчина первые признаки надвигающейся старости и немощи.

Чтобы развеять мрачные мысли, взбодрить себя и утешить, снова по-орлиному расправить крылья и взмыть в мечтах высоко-высоко над родной тайгой, Мухобоев решил тряхнуть всем, чем еще можно позволить себе тряхнуть в пятьдесят, и сделать этот последний столичный вечер по-настоящему памятным и ярким.

Мухобоев порылся в справочнике своего мобильного и отыскал номер Алины. В последний раз они встречались полгода назад во время такой же вот командировки. Алина приехала к нему в номер гостиницы, и они провели два незабываемых дня. Денег, правда, улетело – вагон, однако...

Сейчас Мухобоев готов был заплатить Алине вдвое. Все, конечно, могло измениться за это время – и номер мог стать другим, и вообще Алина могла кануть в Лету. Мухобоев в глубине души опасался этого. С женщинами был он робок и пассивен, несмотря на то что казался игривым и развязным. Некоторых, в том числе и его дражайшую супругу, это крайне раздражало. А с Алиной тогда в самый первый раз прошло все как нельзя лучше. И потом тоже было хорошо. Мухобоев чувствовал себя на высоте. Дома в Солигорске за завтраком, наблюдая порой за отяжелевшей, обрюзгшей и расплывшейся за двадцать лет счастливой семейной жизни женой, он с острым вожделием и щемящей тоской вспоминал

гибкое, юное, стройное, позолоченное искусственным загаром тело, разметавшиеся по подушке волосы, сочные сладкие губы, зовущие к поцелуям. Губы Алины напоминали ему клубнику. Или даже вишню – пьяную, сладкую, в горьком шоколаде.

Конечно, Алина могла быть занята в этот вечер. Или мобильник ее мог быть выключен. Мухобоев боялся этого, потому что знал: другой женщины он уже не найдет и не захочет искать. К счастью, телефон работал и Алина ответила. Вспомнила его или притворилась, плутовка, и пригласила: хочешь – валяй, приезжай. И назвала свой адрес: Ленинградский проспект, дом на углу, четвертый корпус, тринадцатая квартира на пятом этаже.

– Алиночка, а мы маму с папой твоих не разбудим? – игриво шепнул Мухобоев в трубку.

– Чего? – Она даже не поняла, что он шутит. – Я тут на съемной живу, переехала осенью. Там у нас домофон внизу. Набери 25, сам себе откроешь. Ну, чао, котик. Выпить привези, не забудь, а то у меня все пусто. И что-нибудь сладкое. Только никаких апельсинов, слышишь? Все вы отчего-то апельсины тащете, а у меня от них аллергия.

По пути на Ленинградский проспект Мухобоев заехал в круглосуточный супермаркет и все купил. Правда, делать покупки было уже трудно. В баре гостиницы он для храбрости, для куража опрокинул двойной скотч, потом пару коктейлей и коньяк. В супермаркете долго блуждал между стеллажей и купил четыре бутылки хорошего марочного вина, закуски, американского мороженого, винограда и несколько коробочек клубники. Ягоды были крупные, яркие, тугие, алые. И напомнили Мухобоеву отчего-то пластиковые игрушки.

В такси Мухобоева слегка развезло. Голова была вроде кристально ясной, но мысли все как-то прыгали, точно девчонки через скакалочку. И все хотелось расстегнуть дубленку, пиджак и ослабить галстук или вообще снять его, выбросив за окно.

Двор, в который через арку въехало такси, был хоть и темным, но вполне обжитым московским двором. Мухобоев долго расплачивался, роняя деньги, еще дольше собирал и вытаскивал пакеты с провизией. Такси укатило, мигнув на прощание фарами, а он все стоял, пошатываясь, соображая, куда же теперь?

Где, блин, дверь-то в этот самый подъезд?

Сколько было времени, Мухобоев не знал – поздно, скорее всего, за полночь уже. Алине он позвонил без четверти десять. Пока пил в баре гостиницы, пока ловил тачку, пока делал покупки, пока ехал. Высокие кирпичные стены окружали двор со всех сторон. В окнах горел свет. Правда, уже не во всех. А левый корпус на первых двух этажах был вообще темным. У подъезда громоздился железный контейнер, доверху набитый строительным мусором, ржавыми трубами и битой плиткой. Где-то в доме шел ремонт.

Мухобоев взошел по ступенькам и дернул дверь, и она легко открылась. Однако он попал не в подъезд, а только в небольшой тамбур. Вторая входная дверь была железной с домофоном. Мухобоев при тусклом свете лампочки набрал 25, дернул на себя дверь, шагнул за порог и...

Дверь сразу с лязгом захлопнулась. И Мухобоев очутился в кромешной темноте. В подъезде не горел свет. Мухобоев, крепко прижимая к груди пакеты с бутылками и провизией, ощупью двинулся вперед: лестница. Три шага, еще три. На лестничной площадке Мухобоев, точно слепец, методом тыка отыскал сначала двери, а затем и кнопку лифта. Нажал и... ничего. Кнопка так и не загорелась рубиновым огоньком. Лифт, видимо, тоже не работал. Двери его были плотно сомкнуты, а сама кабина застряла где-то на верхних этажах.

Мухобоев расстегнул дубленку, вытер со лба пот, сгреб пакеты в охапку уже кое-как и снова ощупью двинулся искать лестницу. Ему предстояло подняться на пятый этаж. Он почти уже одолел первый пролет, как вдруг услышал нечто странное. Сверху донесся какой-то шум. Причем звуки шли с лестницы и вроде бы даже с близкого расстояния – шорох в темноте. Легкий, едва уловимый шорох. Мухобоев остановился – что за черт? Крысы, что ли, здесь или кошка?

Голова его вроде бы по-прежнему была ясной, только вот в ушах шумело – то ли от выпивки, то ли от тепла, то ли от усталости и подскочившего давления. Мухобоев теперь отчетливо ощущал все признаки опьянения, и еще у него возникло странное пугающее чувство: он тут не один, там впереди, на лестнице, кто-то есть. Кто-то смотрит на него из темноты, вроде даже дышит или как-то странно сипит... Или, может, это просто осыпается отсыревшая штукатурка? Или ветер гудит в шахте лифта?

– Эй, кто здесь? Ты это... давай не балуй, – строго, но не совсем твердо изрек Мухобоев. – Алина, ты, что ли? Я уже иду. Тут у вас не видно ни черта... Т-тоже без света сидите, как чукчи...

Он одолел еще один пролет, затем еще один и еще. Эти лестницы с крутыми высокими ступеньками, эти широкие пролеты, эта пустота. На третьем этаже у лифта горела тусклая лампочка. В ее свете Мухобоев разглядел стены, выкрашенные зеленой свежей краской, коричневую плитку пола, испачканную белой известкой. На этом этаже еще шел ремонт. А лестница вверх снова тонула во мраке.

Стук...

Мухобоев снова остановился. А что это опять такое? Стук легкий, слабый, глухой. словно кто-то, быстро перебирая ногами, преодолел одним махом все крутые ступеньки... Мухобоев снова хотел строго крикнуть: кто это здесь, вы что? Но... не закричал. Медленно, очень медленно поднялся еще на один пролет. И замер. Это было – он это помнил точно, – это было на площадке между четвертым и пятым этажами. Это было... Нет, этого не было. Этого не было наяву, он же был пьян. Но он видел это: из стены выползла тень и тихо заструилась, поплыла по лестнице. Мухобоев смутно различал скрюченную человеческую фигуру, ее очертания сначала были зыбкими, но по мере приближения они становились все четче. И сама фигура словно вырастала, распрямлялась. Мухобоев видел человека: мужчину в кургузом твидовом пиджаке покроя шестидесятых годов, в белой сорочке, галстук-удавке и узких брюках, которые носили во времена его молодости. Он видел фигуру и одежду, но не видел лица. Послышался тихий всхлип, вздох или стон, словно чьим-то заплесневелым легким не хватало воздуха и...

Фигура замерла. Медленно, плавно начала поворачиваться, точно плыла, парила над лестницей. Мухобоев попятился. Пакет с бутылками выскользнул у него из рук и ударился об пол. Звон разбитого стекла. Темная терпкая влага, хлынувшая на плитку пола.

Наверху, на пятом этаже, лязгнули запоры, открылась дверь квартиры. Узкий сноп света прорезал темноту.

– Эй, кто там? Ты что там разгрохал? – женский насмешливый голос. Мухобоев узнал его – это была Алина. – Ну, ладно, давай поднимайся. Адрес, что ли, перепутал? Я тебя прямо заждалась.

Мухобоев точно знал: он пьян, он разбил бутылки, а там наверху Алина открыла дверь, зовет его и... И только это одно и было реальностью, но... Он услышал тихое угрожающее шипение – тень впереди по-прежнему плыла, колыхалась над лестницей и одновременно словно бы таяла, снова вращаясь в стену. Мухобоев слышал шипение: так шипит, пузырится масло на раскаленной сковородке, так шипит газ, уходящий из прохудившегося газового баллона.

Мухобоев слабо вскрикнул, повернулся и бросился по лестнице вниз, к лифту, к входной железной двери. Ударился в нее руками с разбега, ощупью попал ладонью на кнопку домофона, полуоткрыл-полувыбил эту дверь, вырвался в тамбур, на улицу, по скользким, обледенелым ступенькам во двор.

Он стоял, хватал ртом холодный воздух, дышал, дышал. Кирпичные стены окружали его со всех сторон. Кое-где светились желтые квадраты окон. Вспыхивали и гасли огни, точно чьи-то хищные глаза, стерегущие во мраке. Мухобоев вдруг с ужасом ощутил в руке что-то скользкое, холодное, липкое... Поднес руку к глазам – ладонь была красной, мокрой, но...

Он вдохнул свежий аромат парниковой клубники. На руке была не кровь – клубничный сок. Сам Мухобоев этого не помнил, но это, видно, тоже было реальностью: там, на лестнице, он в какой-то момент судорожно сдавил в кулаке хрупкую пластиковую коробочку, расплющив ягоды в сплошной кисель.

Глава 5

Лужа

Утром в субботу Надежда Иосифовна Гринцер проснулась ни свет ни заря. Впрочем, удивляться этому она уже перестала. Случалось ей просыпаться и в четыре утра, и в пять. Она ворочалась, вздыхала, потом включала свет и читала. Удивляло ее совсем другое: сколько же книг не довелось прочесть в молодости.

Сначала казалось – все впереди и так много еще времени: как же все не успеть? Потом разом обрушился быт – дети подрастали, было много работы, появлялись новые ученики, подававшие большие надежды, приходилось тратить на них силы, вкладывая душу в каждого. Потом начал хворать муж. Было все как-то не до книг. И так получилось, что вот только в старости появилось свободное время – украденное бессонницей время вынужденного бдения, время назойливых горьких мыслей о приближающемся конце жизни, спасением от которых было одно только средство: хорошая, умная книга. Субботним утром Надежда Иосифовна проснулась около пяти. Лежала и читала, сначала Тургенева – «Первую любовь». А на тумбочке рядом с лекарствами и чашкой остывшего чая стопкой лежали томики Вересаева, Ахматовой и Пастернака.

На чеканных строфах «Поэмы без героя» Надежда Иосифовна слегка задремала, но потом разом пробудилась. Мысль пронзила как ток: а сколько же времени? Стрелки на будильнике показывали всего лишь половину седьмого. В комнате Аллы было тихо, дочь спала.

Надежда Иосифовна отложила книгу и встала. Сегодня выходной, но Алла вчера вечером обмолвилась, что у нее частный урок, причем очень ранний для выходного дня – в половине девятого. Кто-то из студентов музыкального училища перед экзаменами берет дополнительные занятия. Что ж, такое рвение, конечно, похвально, но... Нет, все-таки странно все это! Вчера поздно вечером кто-то снова позвонил. Надежда Иосифовна сама взяла трубку, и приятный молодой мужской голос спросил Аллу.

Дочь потом объяснила: мама, ну что ты, это звонит студент, мой ученик, подающий надежды молодой лирический баритон. Ему, мол, на выходные понадобился аккомпаниатор. Для занятий, естественно, для чего же еще?

Для занятий... Да, но с утра ведь так трудно распеваться. Сколько времени на это обычно уходит. Для чего же назначать аккомпаниатору в такую рань? А дочь непременно просила разбудить ее в половине восьмого, боялась опоздать. А накануне приобрела в магазине модный молодежный свитер кричаще-пестрой расцветки. Такие свитера для ее возраста уж как-то слишком смелы. Ей все же не восемнадцать...

Надежда Иосифовна встала с постели, сунула ноги в шлепанцы, запахнула бархатный синий халат и поплелась, шаркая, на кухню. С вечера в раковине, конечно, осталась грязная посуда! А на стене над плитой Надежда Иосифовна

засекла, включив свет, крупного рыжего таракана. Вот вам и капитальный ремонт. Надежда Иосифовна в столь ранний час поднимать шума не стала и мухобойку в руки не взяла. Таракан удрал с миром. Но все же надо было навести на кухне хоть какой-то порядок. Надежда Иосифовна проинспектировала мусорное ведро: так и есть, полнехонько – пакеты от сока, стаканчики от йогурта и сметаны. Алла все же очень рассеянна и неорганизованна и, как все творческие натуры, домашним хозяйством интересуется мало. Сколько раз ведь ей было сказано: мусор надо выносить ежедневно, никогда не оставлять на ночь. Оставила, забыла – готово дело, вот вам и банкет для мелких домашних паразитов.

Надежда Иосифовна повздыхала, поворчала себе под нос, вытащила из-под кухонной стойки ведро с мусором и, стараясь ступать как можно тише, чтобы не потревожить сон дочери, направилась по темному коридору к двери. Вышла на площадку. У лифта горела тусклая лампочка, а лестница наверх к мусоропроводу была совершенно темной.

За окном лестничной клетки тоже было еще темно. Что ж, февраль все-таки – длинные ночи, короткие дни. Надежда Иосифовна начала подниматься по лестнице. И вдруг обо что-то споткнулась. Что-то зашуршало, потом звякнуло. Надежда Иосифовна нагнулась – что там еще? На ступеньках белел пластиковый пакет. В нем были какие-то осколки разбитых бутылок. Надежда Иосифовна перешагнула через этот мусор. Господи, ну что за люди? Прямо на лестницу кидают, лень крышку мусоропровода открыть, что ли? Она поднялась еще на несколько ступенек и... Внезапно ощутила, что наступила в какую-то лужу.

Шлепанцы сразу намокли. А на площадке стоял какой-то странный запах. Тяжелый...

Надежда Иосифовна оперлась на перила и... Отдернула руку, поднесла к глазам – рука оказалась чем-то испачкана. Чем-то липким, темно-бурым. А ноги... Ноги тонули в какой-то луже и... И тут тишину нарушил грохот и стук. Оглушительный, как показалось Надежде Иосифовне, грохот. А это всего-навсего поехал лифт. Кто-то вызвал его снизу, кто-то вошедший в подъезд в этот ранний утренний час.

Надежда Иосифовна уронила свое ведро с мусором и так быстро, как могла, начала спускаться вниз по лестнице. Кинулась к двери – не к своей, а к ближайшей. Нажала кнопку звонка, забарабанила в дверь. А лифт снизу

приближался...

– Помогите! Откройте, пожалуйста, откройте! – Надежда Иосифовна колотила в дверь чужой квартиры, совершенно позабыв, что дверь ее собственной квартиры рядом, в нескольких шагах, и открыта.

Щелкнул замок.

– Кто там? В чем дело? Пожар, что ли?

Надежда Иосифовна услышала голос соседа – того самого Евгения, который был неженатым, молодым, имел машину и сразу поставил себе железную дверь.

– Надежда Иосифовна, вы? Что стряслось?

Он явно только что встал с постели – был в одних спортивных брюках и голый по пояс. В глубине квартиры шумела в ванной вода.

– Женечка... Там на площадке наверху... Женечка, пойдите посмотрите... там кровь! Целая лужа... И на перилах тоже... – Надежда Иосифовна почувствовала, что у нее вот-вот начнется сердечный приступ.

Лифт проехал выше. И остановился на шестом этаже.

– Какая лужа, где? – Евгений вышел на площадку, но явно ничего не понимал, не верил ей.

– Там, пойдите посмотрите сами. Надо в милицию звонить...

Сосед подошел к лестнице, быстро поднялся.

– Тут темно, Надежда Иосифовна. Черт, лампочку, что ли, разбили?

– Мама, что ты кричишь? Что случилось? – Из двери высунулась Алла в ночной рубашке, испуганная, сонная, недоумевающая. – Мама, тебе плохо, да? Врача?!

Ее голос гулко отозвался в лестничных пролетах. Откуда-то сверху слышались шаги: кто-то быстро, мелко спускался по лестнице.

– Надежда Иосифовна, да что вы, тут кто-то бутылки с вином уронил, – слышался от мусоропровода голос Евгения. – Черт, стекло понабили... Лужа целая натекла. Это вино, Надежда Иосифовна!

Евгений чиркнул спичкой. Робкий огонек осветил темноту. Надежда Иосифовна оттолкнула дочь, пытавшуюся увести ее в квартиру, и, забыв о своем сердце и ревматизме, быстро вскарабкалась по лестнице.

– Это, кажется, вино. – Сосед Евгений наклонился и дотронулся до лужи, темной кляксой растекшейся по плитке пола. Но голос его теперь уже звучал не так уверенно. Спичка в его руке погасла. Надежда Иосифовна нащупала перила. Дотронулась в том самом месте.

– Какое вино, это кровь, вот смотрите... Сгустки, у меня рука испачкана, – она протянула руку соседу.

Евгений чиркнул новой спичкой.

– И вон еще след на трубе, – произнесла Надежда Иосифовна упавшим голосом. – Вон там, смотрите!

При слабом свете им удалось разглядеть темные пятна на свежепобеленной трубе мусоропровода.

– Мама, что это такое? – спросила Алла. Она поднялась следом.

– Что случилось? Что за крики с утра пораньше?

Они вздрогнули, обернулись. На лестнице стоял молодой мужчина в джинсах и расстегнутой черной пуховой куртке. Крепкий симпатичный блондин. Надежда Иосифовна встречала его в лифте. Это был жилец с шестого этажа.

– У тебя дома фонарь найдется? – спросил его Евгений.

– Фонарь? – Блондин пристально смотрел на Аллу. – Да что случилось-то?

– Молодой человек, пожалуйста, принесите фонарь, – попросила Надежда Иосифовна. – А нам надо позвонить в милицию. – Она понизила голос: – Женя, вы как считаете – надо одновременно и в диспетчерскую домоуправления звонить? У них там кто-нибудь дежурит по выходным?

Глава 6

Мертвец и «Волга»

Худшей погоды нельзя было даже и представить. Небо было свинцовым. Шквалистый ветер гнал тяжелые снеговые тучи, ломился в окна, опрокидывал рекламные щиты, сдувал старое железо с крыш. Москва была пуста, как бубен, и, как бубен же, гудела от непогоды и потревоженной ветром автомобильной сигнализации.

Накануне Никита Колосов слышал от соседки в лифте мрачные замечания о капризах погоды. «Чудные дела творятся в феврале, – изрекла соседка тетя Саша. – Семьдесят лет живу, такого не видала». Оказалось, что чудные дела творятся в феврале не с одним только климатом.

Субботу Колосов хотел провести тихо, по-семейному. Семьи, правда, не было и в помине, но это еще ничего не значило. К девяти утра, как и в будни, можно было, например, подъехать в Никитский переулок – не работать, нет, сохрани бог, на то и законный выходной. Просто спуститься в спортзал и там как следует размяться. Покрутиться на тренажерах, постучать в боксерскую грушу, потренировать удар в паре с коллегой. Потом можно было бы принять душ, перекусить чего-нибудь горячего в главковском буфете, а потом навестить родной отдел убийств. И там слегка поработать с одним нужным человечком. Точнее, не поработать (на то ведь и законный выходной), просто потолковать за жизнь.

Человечка на одни только сутки этапировали из Матросской тишины. Проходил он по делу о групповом разбое, а по верным слухам, располагал еще и

информацией по группе Артохина, совершившей в Подмосковье несколько убийств. Колосов планировал многое узнать от подследственного. Однако все эти тихие семейные планы пошли прахом.

Еще в спортзале Колосову позвонили на мобильный из дежурной части. На проводе был Сладков из автотранспортного отдела. Он мрачно и коротко поставил Колосова в известность о том, что «тот самый потерпевший Бортников, которым он, Колосов, так интересовался накануне, нашелся».

– Я им интересовался? – искренне удивился Никита. – Да когда? Не помню я что-то.

Сладков хмыкнул и еще более мрачно сказал, что ему нужна срочная консультация начальника отдела убийств.

– Ладно, я сейчас в кабинет к себе поднимусь, – вяло отреагировал Никита: он был уже в спортивной форме, и напарник затягивал ему на запястье шнурок боксерской перчатки.

– Нет, не в кабинет, надо прямо на место нам ехать, – отрезал Сладков. – Шефу я уже звонил, он распорядился, чтобы и ты там был. Записывай адрес. Это недалеко, на Ленинградском проспекте. Рядом с «Соколом».

Насчет шефа Сладков явно приврал для солидности, но Никита не стал выводить коллегу на чистую воду. Он всегда был выше этого. А потом в голосе Сладкова он уловил кое-какие странные нотки. Сладков явно чего-то недоговаривал. Было ясно: транспортникам нужна помощь.

Дом Колосов нашел быстро. Собственно, его и искать было нечего – если ехать от центра в сторону области, слева, на Ленинградском проспекте. Приземистые мощные корпуса, розовые кирпичные коробки, похожие одна на другую.

Во дворе возле четвертого корпуса стояли сразу три милицейские машины. За рулем скучали водители. Два лейтенантика, таинственно перешептываясь, осматривали припаркованную между «ракушками» новую «Волгу» синего цвета. Во двор лихо зарулила белая «Нива» с синей мигалкой. И оттуда колом выкатился маленький плотный капитан в куртке ДПС нараспашку, пятнистых камуфлированных штанах СОБРа и в заломленном черном берете. Так одеваться

мог в милиции только один человек, остальных же ждала гауптвахта. Человеком этим был старинный кореш Колосова Николай Свидерко. Он недавно перешел в УВД Северо-Западного округа, и район Сокола был его территорией. Встреча с другом прибавила Колосову оптимизма, хотя он пока ни черта не понимал в происходящем.

– Ну, погода, ну, зараза. – Свидерко был жестоко простужен и дудел, как труба, выговаривая слова с комичным прононсом. – Ваши хороши: прошляпили. И наши тоже хороши: бездельники! У меня температура тридцать восемь, а они свое в упре: давай выезжай. Ты-то чего тут варежку стоишь разеваешь? Он же ваш, с области!

– Кто? – спросил Никита.

– Да хмырь этот, мертвяк. – Свидерко снова закашлялся. – Убитый, кто? Сюда наши-то два раза выезжали. С жильцами прямо истерика уже. А наши тоже, ну как первый раз замужем. Участковый – дуботол! С первого раза разобраться не мог, что это не ложный вызов, не пустышка, а чистейший криминал.

Никита молча ждал: Свидерко известный горлопан. Но отходчив. Сейчас схлынет первая волна эмоций, а потом все рассосется – и с ним можно будет работать.

Но, увы, на этот раз не рассосалось.

Прошел час, миновал второй, пролетел третий. С осмотром места было покончено, начался поквартирный обход и опрос жильцов. Колосов наблюдал все это как бы со стороны, не мешая Свидерко распоряжаться и руководить. Сладкова он обнаружил в подъезде, на площадке между четвертым и пятым этажами. Коллега из автотранспортного отдела курил у мусоропровода, наблюдая за тем, как «москвичи» – эксперт-криминалист с Петровки и судебный медик – изымали образцы с пола, перил и ступенек, буквально залитых какой-то темно-бурой жижей.

На площадке витал кислый винный дух, но к нему примешивалась сладковато-тошнотворная вонь, которую невозможно было ни с чем другим спутать. Это был запах крови. Однако трупа на площадке не было.

И это было первым звеном в цепи довольно странных обстоятельств, отмеченных про себя Колосовым. Основной осмотр шел этажом выше – в одной из квартир на пятом этаже. Однако милиция попала туда не сразу. Этому предшествовала, как выразился Свидерко, целая «история с географией».

– Значит, так, что я знаю со слов нашего дежурного и говорю тебе, Никита, чтобы и ты знал, – начал Свидерко. – Первый раз нам жильцы позвонили в половине седьмого утра. Старуху с четвертого этажа понесло мусор выносить спозаранку. Она всех и переполошила. Наши утром, естественно, засомневались: старухе и присниться ведь могло, так или не так?

– Что? – Колосов усмехнулся.

– Ты зубы-то не скаль. Возраст у старухи, воображение могло разыгаться, так? Ну, в дежурке так и рассудили, и правильно рассудили, и послали сюда наряд и участкового. Ну, поднялись они сюда. На лестнице винищем разит. Участковый покрутился, в обстановку не вник, балбес. Жильцов по квартирам разогнал, чтоб не мешались. Короче, доложил в отделение: никакого криминала нет. На полу действительно лужа, только не крови, как старуха и жильцы другие по телефону уверяли, а пролитого кем-то вина. Три бутылки «Киндзмараули» марочного кто-то разом кокнул. Там действительно осколков полно.

– Тут кровь, Коля. И запеклась уже, успела, – перебил Никита.

– Ты мне это говоришь? Мне? – Свидерко снова ощетинился как еж. – Да я вообще на больничном, температура тридцать девять, от бронхита погибаюсь... Хмырь-то этот, между прочим, ваш, и дело по разбойному нападению на вас висит. Меня информировали уже.

– Как его нашли? Убитого! – рявкнул Колосов – он уже начал терять терпение и тихо звереть. Вообще, что он-то делает здесь, в этой московской неразберихе?!

– Не ори на меня. Как нашли... А ты не перебивай, слушай. А то я сам сейчас запутаюсь, – Свидерко хмыкнул. – Ну, значит, смылись наши отсюда. И жильцы утихомирились, досыпать пошли. А в девять на пятый этаж рабочие пришли – маляры, штукатуры. Там ремонт до сих пор – вроде две квартиры в одну большую переделывают. Открыли они дверь и сразу снова нам звонить кинулись. Готово дело – в квартире мертвец, а при нем дубленка и паспорт в

кармане на имя Бортникова Александра Александровича. Между прочим, прописанного в вашем подмосковном Менделееве. Кроме паспорта, бумажник целехонький с деньгами и...

- И что еще?

- Права водительские и ключи от машины.

- А машина внизу во дворе, - как боевой конь на звук трубы, откликнулся Сладков. Он подошел к ним и вступил в беседу. - Синяя «Волга», та самая, что числится у нас с пятницы в розыске по разбою. Из аэропорта. Я ее сам только что осматривал - и заперта аккуратнo, и даже на сигнализацию поставлена. А на руле - блокиратор.

- Значит, разбой отпадает теперь полностью, - подытожил Колосов. - А что остается? Инсценировка? Радуйся, что же ты не радуешься?

- А я радуюсь, - Сладков угрюмо дымил папиросой. - Ты что, не видишь?

- Говорят, деньги еще пропали? - Свидерко остро зыркнул на коллег из области. - Давайте все выкладывайте. Крупная сумма?

- Сто семьдесят пять тысяч долларов, - ответил Сладков.

Свидерко присвистнул.

- Тогда ничего удивительного нет, - изрек он.

- В чем? - спросил Сладков.

- В том, что этот Бортников уже покойник.

- Слушайте, надо тело-то все же осмотреть в конце-то концов, - напомнил Колосов. - Мы что тут, совсем уже лишние люди или нам тоже можно поучаствовать, раз уж нас вызвали сюда неизвестно зачем?

– Как это неизвестно зачем? Нити убийства тянутся к вам в область, – быстро отреагировал Свидерко. – И потом, Никита, ты же меня знаешь: я всегда за сотрудничество и взаимодействие. А ты против, что ли?

В квартире на пятом этаже была уйма народа. А на лестничной площадке у лифта тоже яблоку негде было упасть. Колосов с трудом мог разобраться, где сотрудники, а где жильцы, высыпавшие из всех квартир и ни за что не желавшие расходиться, несмотря на все увещевания следователя, патрульных и участкового.

Последнему приходилось совсем туго. Жильцы громко и яростно обвиняли его в халатности, черствости, равнодушии, непрофессионализме и невнимательности. И все в один голос угрожали подать коллективную жалобу самому министру МВД на то, что участковый с первого раза не сумел отыскать труп.

– Да квартира-то эта на замок была заперта, что я, должен был дверь, что ли, ломать? – отбивался участковый.

– Это правда. – К Свидерко, Колосову и Сладкову подошел эксперт-криминалист. – Здравствуйте, мы только что там осмотр закончили. Мои пояснения нужны? С чего начнем?

– С замка. – Колосов окинул взглядом дверь квартиры, она была самой обычной, обитой коричневым дерматином.

– Замок старый, еще от прежних жильцов. Выпилим его полностью, отправим на исследование. Но даже сейчас ясно, что никаких следов взлома нет. Ни на корпусе замка, ни на притолоке, – эксперт постучал по дерматину. – Возможно, дверь открыли путем подбора ключа. Для умелого человека это сделать не так уж и сложно.

– Для слесаря? – Колосов осматривал дверь.

– Для любого, кто руки ловкие имеет. – Эксперт кивнул на дверь рядом: – Эта дверь тоже заперта. Там внутри идет перепланировка полным ходом, перегородки уже сломали. Из трехкомнатной и двухкомнатной будут делать одну с большой студией. Но с той стороны эта дверь сейчас загорожена, там стройматериал сложен, кирпичи, так что...

– Так что некто был в курсе, какую дверь из двух можно открыть, – кивнул Свидерко. – Ну, пошли внутрь?

Внутри шел ремонт. Фигуру, распостертую на полу огромной пустой комнаты (Никита поразился: сколько же места, оказывается, освобождается, если убрать в квартире перегородки), они увидели сразу же. Человек лежал ничком. Пол рядом с телом был обильно запачкан кровью. Они подошли ближе.

– Некто Бортников, документы у него из кармана достали, – сказал эксперт. – Здесь он не прописан, в доме не проживает.

– Я его и без документов узнаю, – Сладков, кряхтя, нагнулся над трупом. – Как его разделали-то...

– Рубленые раны шеи и затылка. Удары были нанесены сзади и с большой силой. Били несколько раз. – Эксперт достал из кармана куртки свежие резиновые перчатки. – Причем орудие преступления, на мой взгляд, довольно необычное.

– Что это значит – необычное? – спросил Колосов.

– Раны-то рубленые, но на обычный топор это не похоже. Короткое лезвие. Что конкретно за орудие, определим только после экспертизы.

– Так и говори по-человечески, – буркнул Свидерко. – А то тень на плетень напускает тут... Убивали здесь, в квартире?

Эксперт покачал головой.

– Там? – Колосов кивнул на дверь. – На площадке?

– Я, конечно, могу ошибаться при визуальном осмотре, точнее все экспертиза определит, но мне кажется, что первый удар или два первых удара Бортникову нанесли на площадке, затем волоком потащили тело по лестнице на пятый этаж и уже здесь, в квартире, добили. Он так и лежал лицом вниз, а ему снова и снова наносили по голове удары.

- Молодой еще парень. - Колосов присел на корточки, сбоку заглянул в лицо убитого. - По паспорту ему сколько лет?

- Тридцать четыре года... Я ж его недавно допрашивал, ах ты. - Сладков тоже нагнулся: - Эх, парень, угораздило тебя... Где его личные вещи, что при нем нашли?

Эксперт указал глазами на подоконник, где в ожидании следователя лежали аккуратно запакованные в пластик предметы.

- Мы все в карманах нашли. - Эксперт осторожно перевернул тело на спину и указал на внутренние карманы дубленки.

- Все ты, выходит, врал мне, парень, - тихо сказал Сладков, глядя в лицо убитого. Скулы Бортникова покрывала мертвенная бледность, глаза были закрыты, короткие пепельные волосы слиплись и потемнели от крови. Колосов вспомнил: об этом человеке только вчера говорила ему Катя. И они так, между делом, обсуждали - жулик он или же просто несчастная жертва дорожного разбоя. Оказалось же, что он уже мертвец.

- Когда наступила смерть? - спросил он эксперта.

- Пока только ориентировочно между пятью и шестью часами утра.

- А тело нашли в девять?

- Точнее, в половине десятого.

- Тоже мне, сразу как следует все место происшествия осмотреть не сумели, - буркнул Сладков.

- Значит, по-вашему, первый удар ему нанесли там, на площадке, а затем притащили тело сюда, предварительно открыв замок на двери? - Колосов прошелся по комнате, разглядывая стены. - А кто владелец этой квартиры?

- Выясняем, - отрезал Свидерко. Хотя он сам и не был виноват в том, что тело не сразу нашли, но критику коллег воспринимал на свой адрес и страшно

переживал и злился.

– А по какой причине он здесь в доме оказался, тоже выясняете? – продолжал Никита. – К кому-то ведь он сюда приехал? Или, может, сам здесь квартиру снимал? Здесь ведь наверняка кто-то сдает.

– Выясняем и это. – Свидерко хмурился. – Ты, Никита, давай вот что, коней-то не гони. И не командуй мной. Только начали ведь работать.

– Да я не тороплюсь, – усмехнулся Колосов. – Однако уж полдень на дворе. На вещи-то его мне можно взглянуть?

– Пожалуйста, вот, – эксперт протянул ему пакет.

Никита просматривал предметы один за другим: кожаное мужское портмоне, деньги и паспорт. И даже медицинский полис. А ведь Бортников заявлял, что у него все документы похищены.

– Он вчера на допросе как показывал: все похищено или только права и документы на машину? – уточнил он у Сладкова.

– Права и документы на машину. Насчет паспорта не сказал ничего. Но при себе вчера паспорта у него не было.

– А как же он деньги в банк сдавать собирался? Или там удостоверения личности не требуется?

– У него было удостоверение сотрудника авиафирмы с его фотографией.

– В банке этого недостаточно. Так, значит, не показал он тебе вчера свой паспорт.

Колосов отложил портмоне, взял ключи – увесистая связка. Кроме ключей, было еще несколько разных брелоков: брелок автосигнализации, мельхиоровая бляшка с зодиакальным знаком Козерога и медальон из какого-то черного камня в форме сердца.

- Он по паспорту в каком месяце родился? - спросил Колосов.

- В январе, - ответил Сладков.

Козерог стал понятен - талисман удачи, а вот черное сердце...

- Это агат? - спросил эксперта Колосов.

Тот пожал плечами:

- Возможно, но может быть и темный сердолик, и гагат, я не разбираюсь в минералах.

Никита взвесил ключи - надо разобраться, какие тут ключи от его, бортниковского, дома, какие от кабинета в офисе, а какие, быть может, и от...

- От кейса с большими деньгами случайно ключика золотого нет? - спросил Свидерко. - Махонький такой.

- Махонького нет. Здесь и магнитки от домофона нет. - Никита разглядывал ключи. - А тут внизу домофон в подъезде. Значит, либо кто-то ему открыл, впустил, либо он сам здешний код знал.

- Код одни только жильцы знают, - сказал Сладков.

- Не только жильцы, и работники ЖЭКа, и почтальон. Кстати, почтальон-то есть тут? А то, я гляжу, в Москве совсем почти их не стало. Одни распространители рекламных листовок. Кстати, они тоже кодом от домофона всегда пользуются.

- Да они просто звонят в первую попавшуюся квартиру и просят им открыть, - возразил Свидерко. - И Бортников тоже так мог сделать.

- Это в пять-то утра в субботу? - возразил Сладков.

- А мы конкретно ничего пока не знаем - во сколько он сюда приехал, когда. Кстати, - Никита обернулся к коллеге, - вы его с допроса во сколько отпустили?

– Ну, где-то около семи. А потом нам как раз сводку из ГИБДД принесли, ну, я тебе говорил насчет пробки у Шереметьева, Бортников уже уехал. А потом ты позвонил.

– А как же он без документов, без денег, без машины до своего Менделеева бы добрался?

Сладков пожал плечами.

– Ты что, даже не поинтересовался у него? – спросил Колосов. – Подбросить до Речного вокзала не предложил – потерпевший все-таки.

– Слушай, у меня работы еще было выше крыши. Мы ведь разбой подозревали сначала всерьез... Он не жаловался особо, ничего у нас не просил. Написал заявление, ответил на вопросы, по виду испуган был сильно, переживал. От меня начальству своему в компанию звонил.

– А потом улимонил от вас, – хмыкнул Свидерко. – В семь вечера улимонил с Никитского, а в девять утра уже на Ленинградском всплыл в чужой квартире с черепушкой проломленной.

– У вас что, к нам претензии какие-то? – Сладков сразу перешел на жесткий официальный тон. – Мне за руку, что ли, надо было водить этого хмыря?

Колосов посмотрел на убитого. Мертвое лицо было совершенно бесстрастно. Бортникову было уже все равно, как его называли. В чертах этой застывшей, бледной посмертной маски не было ни страха, ни боли, ни удивления, ни страданий. Лицо было спокойным, тихим. Никита подумал: возможно, смертельным оказался самый первый удар, нанесенный там, на площадке. И Бортников умер сразу.

Среди прочих его личных вещей были только расческа, зажигалка, пачка сигарет, дисконтная карта продуктового супермаркета и деньги – две купюры по пятьсот рублей и мелочь.

– Негусто, – Свидерко через плечо Колосова заглянул в портмоне. – Не взял убийца заначку, не снизошел. Не та сумма. Может, мобильник взял? Телефона-то

у потерпевшего нет.

- Может, он им вообще не пользовался, - сказал Колосов.

- Ну да, сейчас. Охранник аэропорта, у него по инструкции и телефон, и пейджер, и рация быть должны.

- А может, на этот раз он телефон не взял намеренно. А может, мобильник в «Волге» остался. Вы машину еще не вскрывали?

- Нет, я пока лишь наружный осмотр сделал, - отозвался Сладков.

- Ну, тогда предлагаю спуститься во двор и вместе с понятными вскрыть машину. - Свицерко позвенел ключами. - А вот и ключики от нее, родимой. Целехоньки.

Спустились на лифте. Никита слышал, как гудит от голосов весь подъезд. Жильцы по-прежнему по квартирам не расходились. Во дворе же было тихо. Кроме патрульных - никого.

«Волгу» открыли. Сразу тревожно, визгливо завывала сирена сигнализации. Пока Свицерко вместе с экспертом-криминалистом ее отключали, Колосов и Сладков открыли багажник. Еще теплилась слабая надежда: а вдруг там кейс с большими деньгами лежит себе, их дожидается? Но в багажнике, кроме запаски, домкрата, пустых канистр и тряпок, ничего не было.

- На «Волге» этой только Бортников ездил? - спросил Колосов Сладкова.

- Он мне говорил, что нет. Что у них несколько машин для службы охраны. В тот день он взял эту «Волгу», потому что она была свободной.

- А водитель там на фирме за ней какой-нибудь закреплен?

- Выясняем, - Сладков ограничился любимым словечком Свицерко. - Я как раз в понедельник с представителями авиакомпании должен встретиться. Вот теперь не знаю...

– Ну, чего уж тут, встретимся, потолкуем, – сказал Никита. – Все только начинается. А машину-то он, по всему, сам сюда пригнал, сам и поставил, сам и закрыл. Это уж как пить дать. Надо жильцов опросить – может, кто раньше тут видел эту «Волгу»? Может быть, кто-то и водителя вспомнит. Ну-ка, а тут у него что? – Колосов обошел «Волгу», заглянул в салон и открыл «бардачок» – пусто, хоть шаром покати. Сразу видно – машина служебная.

– Отпечатки все снимем на всякий пожарный, – Свидерко важно кивнул эксперту. – И снаружи, и в салоне, чтобы не тыкали потом, что мы при осмотре прошляпили.

– Это когда же потом? – любопытствовал Никита.

– На суде.

Колосов усмехнулся, сам он так далеко не заглядывал. Свидерко снова начал сердиться. И как раз в этот самый момент, когда он вскипал, как чайник, от недоверия коллег, на место происшествия прибыло его непосредственное начальство. И началось! Никита молча наблюдал эту публичную порку. Зрелище было одновременно и скучным, и забавным, и знакомым до боли.

– Крутые какие, а? – шепнул Сладков. – Приехали, рассыпали ЦУ. Министерские, что ли? Или все из Москвы? А нам ведь с ними работать теперь вместе, взаимодействовать. Вот невезуха! Скандалисты какие-то.

Но он ошибался. Встреча с настоящим скандалистом была еще только впереди. И свидерковское грозное крикливое начальство здесь просто отдыхало.

Впоследствии Никита часто вспоминал ту самую первую встречу с жильцами ЭТОГО ДОМА. Там, на лестничной площадке между пятым и шестым этажами, были многие из них. Тогда они все были для него еще совершенно незнакомыми, совершенно чужими людьми, чьи возмущенные голоса сливались в нестройную какофонию и воспринимались просто как досадный назойливый шум, как помеха работе.

Их лица невозможно было еще запомнить, а названные имена и фамилии почти сразу же вылетали из головы. В ту самую первую встречу на площадке у лифта все эти люди даже еще не были для Колосова свидетелями, а являлись просто

гражданами, жильцами. То есть чем-то абстрактным и далеким.

Позже все изменилось. Он и сам не понял, в какой момент это случилось. И был удивлен и заинтригован этой переменной. Но в тот самый первый раз он еще не знал, что ДОМ видел на своем веку немало такого, что могло бы удивить и показаться странным. Дом был свидетелем многих перемен. И кажется, по-своему предвкушал и ожидал их.

Но при той встрече с жильцами первое, о чем Колосов подумал, было: нет уж, дудки, так у нас с вами, дорогие граждане, дело не пойдет! Крики, ругань просто оглушали. Складывалось впечатление, что на площадке у лифта кого-то линчуют. Жильцы линчевали участкового. В их агрессивном окружении он казался совсем беззащитным. Хотелось прийти ему на выручку – не то его заживо могли съесть, не оставив даже форменной фуражки.

Упреки сыпались градом, казалось, в избиении и уязвлении профессионального самолюбия участкового принимали участие все до одного жильцы, но уже через минуту слегка даже обалдевший от крика Колосов понял, что скандалят не все. Нет, как раз большая часть тех, кто собрался на площадке, выжидательно молчала, с недобрым любопытством наблюдая за тем, как скандалит и наскокивает на милиционера один-единственный жилец – крохотная, как гном, круглая, как мячик, красная, как рак, старушонка в спортивных брюках с белыми лампасами, вязаной кофте и наброшенном на плечи старом драповом пальто с коричневым норковым воротником, побитым молью.

– Да что вы нам чепуху-то говорите! Что вы нас тут за нос-то водите! Мы вас во сколько вызвали? Мы вас утром рано вызвали, а вы что? Всех перебулгачили, перебудили, напугали всех до смерти. А у меня стенокардия, давление ползет, чуть глаза не лопаются! У меня невестка беременная на восьмом месяце! А в ее-то возрасте роды еще перенести надо суметь. Тебе вот за тридцать будет, сам рожай – попробуй! Да вам-то что, что вам, и правда рожать, что ли? Вы того даже делать не умеете, на что вы от государства поставлены, за что вам деньги платят! Мы вас когда вызвали? Когда еще показали все – и следы, и кровищу на лестнице! А вы что? Фыр-фыр, восемь дыр, хвостом только повертели. От Надежды Иосифовны вон, как от мухи надоевшей, отмахнулись и поминай как звали – уехали! А мы тут...

– Я молодому человеку сказала, что он должен все осмотреть тут, все выяснить, я ему сказала: кровь не могла сама собой взяться.

Это густым басом, как труба, зычно и одновременно по-царски снисходительно, изрекла стоявшая рядом с маленькой крикуней полная седая пожилая женщина в синем бархатном халате и шлепанцах.

– А я о чем толкую? Откуда кровь-то взяться могла? Виданное ли это дело – кровищи цельная лужа, а покойника след простыл?

– Да там же в пятнадцатой квартире до девяти утра дверь была заперта. Откуда я знал, что... – Участковый увидел Колосова и подходивших на выручку коллег.

– Дверь закрыта! – Маленькая старушка аж подпрыгнула. – А у вас ордера-то на что? Нет, дорогой-любезный. Вы что думаете, мы так все это оставим? Мы жаловаться всем подъездом будем. Прямо начальству вашему жаловаться!

– А чего откладывать, гражданка? – Колосов решил подлить масла в огонь и в суматохе вывести участкового с линии огня. – Вон оно, начальство, во дворе. Прямо к нему все и ступайте.

– А вы мне не указывайте, молодой человек! Я и сама знаю, что мне делать. Вы откуда, из прокуратуры? Вы нам лучше вот что скажите: до каких пор это безобразие продолжаться будет? Когда покойника из квартиры заберут, а? Или, может, так нам на все выходные тут его и оставите? Ночевать нам, что ли, с ним тут?

Колосов кивнул участковому – уходим. Он понял, что момент для частного опроса жильцов сейчас крайне неудачный. Все раздражены, испуганы и обозлены на милицию. И что сейчас ни скажи, о чем ни спроси – все будет восприниматься в штыки. Он разглядывал жильцов. На площадке, кроме пенсионеров, были граждане и помоложе: трое или четверо мужчин, несколько женщин – одна и точно беременная. Была и девочка лет тринадцати в клетчатой рубашке и джинсовом комбинезоне. Вот как раз ее в ту первую встречу Никита запомнил: девочка была веснушчатой и рыжей. И смотрела на шумевших, растерянных, испуганных взрослых с насмешкой и осуждением.

День рождения Мещерского

На день рождения Катя идти вообще-то не собиралась. Сергей Мещерский болел гриппом и вот уже вторую неделю сидел дома в обнимку с градусником и кипой бумажных носовых платков. Общения с гриппозным другом детства Катя в эти дни дипломатично избегала. Мещерский, как и все мужчины, в дни болезни был страшно мнительным: любой, самый слабый, симптом недомогания повергал его чуть ли не в панику. При температуре (а она повышалась обычно к вечеру) он всякий раз звонил Кате и жалобным тоном перечислял ей, где, что и как именно у него болит, «колет» и «схватывает», какой внутренний орган, по его расчетам, уже серьезно поражен и каких последствий (самых ужасных) следует ожидать при таком течении болезни.

После визита в поликлинику к врачу и постановки окончательного диагноза – ОРЗ Мещерский страшно обиделся на всю медицину в целом и на весь белый свет. А когда Катя назидательно посоветовала ему не раскисать по пустякам и быть мужчиной, он обиделся и на нее – перестал звонить и замкнулся в гордом одиночестве дома.

И заглох до самого своего дня рождения. Увы, Сергей Мещерский родился в феврале. И, по выражению Вадима Кравченко, был настоящий «февралик» – Водолей из Водолеев, с которого можно было писать прямо образец гороскопа. По мнению Кати, родиться в феврале было просто кошмаром – ни зимы, ни весны, ни снега, ни солнца, ни дня, ни ночи. Серый сырой туман, сумерки с утра до вечера, пронизывающий ледяной ветер, сплошная простуда и грипп.

В такие скверные дни не только к приятелю на день рождения идти не тянуло, даже сновать по модным магазинам, наряжаться не хотелось. А уж магазины-то для Кати были вообще делом святым. Но в феврале ее не радовали и обновки. Не хотелось ничего. Душа тосковала по весне, теплу, заботе и ласке.

Началось все, когда уехал муж – «драгоценный В.А.» – Вадим Кравченко. Его работодатель Чугунов платил деньги, и он же заказывал музыку. Москва с некоторых пор для Чугунова становилась все менее и менее приветливым городом. Петербург вообще не улыбался. И взоры предпринимателя Чугунова теперь все чаще обращались к провинции, к далеким Уральским горам, к городам в сибирской тайге, к местам, где прошла его давняя комсомольская юность.

Бизнес-тур Москва – Новосибирск – Барнаул – Абакан – Иркутск – Чита – Хабаровск – Харбин – Пекин – Гонконг планировался Чугуновым давно. А начальник его охраны Вадим Кравченко воспринимал все, даже самые вздорные, идеи шефа философски. Только иногда, как замечала Катя, меланхолично напевал что-то себе под нос про «Шилку и Нерчинск» и про тучи, которые «ходят над Амуром хмуро».

Из Новосибирска сразу по прилете туда Кравченко звонил из гостиницы. И теперь на очереди уже был Барнаул. Катя очень скучала по «драгоценному В.А.». Присутствие мужа наполняло дом жизнью: шум, гам, суета, споры – дым коромыслом. «Драгоценный» в редкие минуты кипучей деятельности на домашнем фронте напоминал смерч.

Когда Кравченко уезжал – дом сразу пустел. Катя, болтая с приятельницами по телефону, тысячу раз могла повторять, что, когда «Вадьки нет дома, я просто отдыхаю – не надо ни готовить, ни убираться». Все это были враки чистой воды. Когда «драгоценный» уезжал, маленькое домашнее солнце меркло и в квартире наступала долгая полярная ночь.

И конечно, идти на день рождения к Мещерскому без мужа Катя не собиралась. Вот Вадька приедет, тогда уж и нагрянем в гости. К тому времени и грипп Мещерского пройдет, и дурь с него соскочит, но...

В субботу «драгоценный В.А.» объявился не ночью, телефонный звонок разбудил Катю ровно в девять утра. Последовал залп обычных горячих, однако чисто ритуальных приветствий:

– Алло, дорогуша, как ты? Скучаешь без меня, мой зайчик? И правильно делаешь. А мне, знаешь ли, некогда тут скучать – шеф такие дела закручивает, мне вздохнуть некогда от этой канители, не то что скучать!

– Вадик, ты меня любишь? – спросила Катя. – Что ты там мелешь про какие-то дела! Ты меня любишь?

– Угу, конечно, люблю. Между прочим, у нас тут три часа ночи. И я с ног валюсь от усталости, – тон «драгоценного» был убийственно прозаичен. – Я чего звоню: у Сереги-то нашего ведь день ангела сегодня. Нет, завтра. Нет, это по-нашему

сегодня, а по-вашему...

– И по-нашему сегодня, – вздохнула Катя. – И в чем дело? Ты ему тоже позвони. Прямо сейчас.

– Я-то позвоню. Ты-то не забудь поздравить. И подарок отвези. Я заранее купил, но ты скажешь – это общий от нас. И что ты его сама лично выбирала, понятно? Ему втройне приятно будет.

– А что за подарок? Где он?

– В прихожей, в шкафу, коробка стоит. Ну все, целую, привет. Карточка кончается.

Коробка в шкафу была большой и тяжелой. Катя не хотела сначала ее открывать – все же чужой подарок, но потом любопытство и сомнения (бог его знает, «драгоценного», что он там такое купил – может, крокодила сушеного?) заставили ее ловко, по-воровски открыть коробку.

И ноги у Кати подкосились: в коробке в папиросной бумаге был столовый сервиз. Это было так не похоже на «драгоценного»! Это совершенно не шло и к Мещерскому – аккуратненькие тарелочки в трогательный розово-золотой цветочек, блюдца, чайник, чашки, масленка. Даже супница имелась. Катя водрузила ее на стол и отошла на три шага оценить, полюбоваться. Господи боже, только супницы Сереге не хватало для полного счастья!

Насколько Катя помнила, сервизов, тем более столовых, у Мещерского не водилось. У него была холостяцкая квартира в доме на Яузской набережной. Квартира была славной, и дом был славным – старым, но после капремонта, и место было чудесным, но, так как в квартире обитал молодой неженатый парень, квартира вскоре превратилась в смесь медвежьей берлоги, походной палатки и вещевого армейского склада, где хранилась львиная доля имущества туристической фирмы «Столичный географический клуб», в которой Мещерский работал.

У Мещерского часто ночевали друзья. Еще чаще к нему заваливались в гости среди ночи с вокзала или из аэропорта приезжие корешки – из какой-нибудь очередной экспедиции. Экстремалы-шизики с баулами, рюкзаками, досками для

серфинга, парашютами, снаряжением для дайвинга, рафтинга, трекинга и мотослалома. Корешки были иногородние, со всех концов бывшего Союза, а Москва была местом, откуда в любую точку планеты шли поезда и летели самолеты. Корешки жили у Мещерского неделями в ожидании поезда или чартерного авиарейса. А квартира от этого менялась прямо на глазах.

Особенно страдала посуда. Чашки, тарелки, вилки у Мещерского, конечно, водились, но были все сплошь разные, с бору по сосенке, и бывали случаи, когда на всю компанию посуды просто не хватало. Так случилось и во время последних на Катиной памяти посиделок у Мещерского. Собралась целая орда (кажется, это было Рождество). Гостям раздали всю лучшую посуду, а Кравченко, как своему в доме человеку, достался эмалированный тазик, куда ему и положили салата и тушеной с айвой баранины, которой, собственно, и потчевал гостей Мещерский.

Он, как и все холостяки, воображал себя великим кулинаром и копил рецепты восточных блюд, как скряга копит деньги – хищно и неутомимо. Баранина с айвой, пять часов томившаяся в духовке на медленном огне, была отменной, но Кравченко, несмотря на это, поклялся, что эмалированного тазика он не забудет никогда. И так этого не оставит.

В результате на день рождения другу детства он купил столовый обеденный сервиз на двенадцать персон. Катя решила, что на этот раз «драгоценный» поступил правильно. Мещерскому пора было кончать с бытом и привычками пещерного существа. Она запаковала коробку и сделала это снова так ловко, что никому и в голову бы не пришло, что сервиз уже подвергался строгой экспертизе.

Теперь дело было за малым – за приглашением от Мещерского. Тот все еще дулся. Видно, воображал, что все его позабыли и бросили. Катя, чтобы немножко помариновать его, выждала до обеда, а потом набрала знакомый номер. Попутно уже соображала, как везти сервиз. Коробка была тяжелой, надо было брать машину.

– Алло, я слушаю вас, – в голосе Мещерского, когда он взял трубку, слышалась полная покорность судьбе, как у ослика Иа. – Кто говорит?

– Это я, Сережечка, – пропела Катя. – С днем рождения тебя, мой дружочек. Счастья тебе, здоровья, золотко мое!

– Катюша! Ты?

На этот восторженный банальный вопрос и ответ полагался тоже самый банальный: «Конечно, я, а то кто же?»

– А я думал, ты... Я что-то раскис безобразно... И кашель все не проходит никак. Сидишь дома один...

Тут Катя сообразила про подарок: все точь-в-точь, как учил Кравченко. И пообещала приехать – как только, так сразу, но все же сегодня.

Однако сборы заняли гораздо больше времени, чем Катя предполагала. Пока наполнялась ванна, пока сушились волосы под феном, пока шли авральные инспекции гардероба – что надеть. В последнее время Катю мучила, выводила из себя одна странная закономерность: с какими бы намерениями она ни открывала шкаф, в конце концов выбор ее всегда падал на одно извечное сочетание: брюки – свитер, брюки – кофточка, брюки – пиджак. На сей раз Катя просто закрыла глаза и ткнула пальцем – это надену, баста. Жребий пал на вечернее платье. Но рука предательски потянулась к джинсам...

Катя натянула джинсы, водолазку, потом с трепетом примерила новые замшевые сапоги на высоченном каблуке-шпильке (в февральский гололед это было, конечно, круто), схватила сумку, сдернула с вешалки шубу и...

Уже в лифте она вдруг вспомнила, что забыла самое главное – подарок. Пришлось вернуться. Когда она наконец поймала машину и сквозь вьюгу и пробки добралась до Яузской набережной, было уже почти четыре часа. Катя тащила коробку, кляня в душе тяжкую долю грузчиков, и прикидывала: во сколько примерно Мещерский садится обедать? И водится ли в его холостяцком холодильнике что-нибудь более аппетитное, чем яйца и замерзшие мясные полуфабрикаты?

Мещерский открыл дверь, разговаривая по телефону. Катя сразу поняла, с кем – с Кравченко. Тот либо так и не уснул там в своем Барнауле, либо чуть свет уже был на ногах, на службе своего работодателя. Мещерский громко кричал в

трубку: «Да, да, спасибо! Вот и Катюша только что приехала! Спасибо, Вадим! Когда назад тебя ждать? Когда? Не слышу! Связь плохая!»

Все действительно напоминало сеанс космической связи со станцией «Мир», уже утонувшей в океане. Катя, не надеясь на помощь именинника, поволокла подарок в комнату. «Вот сейчас достану посуду, – думала она, – расставлю тарелки, Мещерский кончит переговоры, войдет и ахнет».

В комнате на диване сидел Никита Колосов. Расположился он уютно, словно дома. А перед диваном на низком столике на географической карте (в квартире Мещерского даже стены вместо обоев были оклеены географическими картами) был сервирован праздничный холостяцкий обед (или ужин?) – курица-гриль, жареная картошка на сковородке, яичница на другой сковородке, соленые огурцы, капуста, водка и пиво.

Катя едва не уронила сервиз. Мещерский не упоминал, что Колосов тоже приглашен. Однако кто ему-то напомнил про Серегин день рождения?

– Ой, Никита! – никаких иных восклицаний с Катиных губ при виде начальника отдела убийств не срывалось. И это была уже традиция. – Откуда ты?

– Оттуда. – Колосов поднялся, забрал у Кати коробку и водрузил ее на подоконник. Легко, как перышко.

Потом вернулся Мещерский, и они все вместе достали сервиз. Мещерский был тронут. Подарку обрадовался, лживым Катиным словам, что это она посуду и выбирала, и покупала, поверил простодушно. Однако в глазах его Катя ловила скрытое недоумение. Мещерский явно не понимал, для чего ему надо так много и такой разной посуды. Действительно, для чего, если есть сковородки и эмалированные тазы?

Катя это отметила и начала доходчиво учить: эта вот тарелка для первого, эта для второго, эта – десертная, для пирожных. Ведь ты любишь пирожные? А это чашки – что ты, своих, что ли, не узнаешь? А это розетки для лимона, для варенья.

– А это что за ваза такая с ручками и крышкой? – спросил Колосов, указывая на гордость коллекции – супницу.

Катя в отчаянии замахала на них руками – все, хватит, ну вас всех.

– А рюмки где? – не унимался Никита. – Водку мне по чашкам разливать?

Мещерский метнулся на кухню. Чего-чего, а уж рюмки, стаканы и бокалы в этом доме были. Катя уселась на диван. Ее внимание привлекла водочная бутылка. Не то чтобы очень уж тянуло выпить, нет, просто бутылка стоила того, чтобы после опустошения ее не бросили в мусорное ведро. Водка называлась загадочно «Восьмерочка». Катя не сразу поняла, что к чему, пока не прочла на этикетке, что водка эта выпущена к юбилею 8-го управления МВД и специально предназначена «исключительно для внутренних органов».

Колосов по-хозяйски разлил водку в принесенные именинником рюмки, и Катя поняла, что это и есть его личный подарок другу Сереге на «день варенья».

– Ну, с праздником тебя, Сережа, личным, и нас с твоим праздником тоже. Всего тебе. И в тройном размере. Всех благ.

Это был чисто мужской косноязычный тост. Слова были не важны, главное – идея и интонация.

Катя водку терпеть не могла. Но «Восьмерочки» все-таки глотнула из любопытства.

Потом за столом Катя все порывалась спросить у Колосова – как же это путь-дорога привела его в гости к Мещерскому? Но ей долго не удавалось вставить ни словечка. Колосов произносил все новые и новые тосты за здоровье именинника, и все они сводились к одному: как он его уважает. А потом слово взял Мещерский. Но его уже повело куда-то не в ту степь: начал он с того, что пожелал Никите и Кате успехов в их нелегкой опасной работе, а закончил рассказом о том, как недавно видел по телевизору женщину-генерала, и начал делиться неизгладимым впечатлением, которое на него это зрелище произвело.

Колосов слушал его, отрицательно мотал головой, и в глазах его Катя читала: что ты, Серега, друг, этого просто быть не может, потому что этого не может быть никогда. Мещерский принял еще рюмку «восьмерки» и пустился повествовать о буддийских святынях острова Цейлон. Катя спросила шепотом у

Колосова то, что давно хотела узнать.

– Да я Сереже позвонил поздравить, а он спросил, обедал ли я, он курицу в духовку как раз ставил. А я там с самого утра кружился, в этом дурдоме, есть захотел.

– В каком это дурдоме? – спросила Катя. – Ты разве дежуришь сегодня по главку?

Мещерский вздохнул рассказывал про зуб Будды. И про змеиный питомник – и такие там кобры королевские и сякие... А Колосов, явно замороженный рассказом о волшебном Цейлоне, буркнул нехотя, что он не дежурит сегодня, но выезжать на происшествие все-таки пришлось.

Вот так Катя и узнала про убийство гражданина Бортникова. Честно признаться, она не сразу даже вспомнила, о ком речь, когда Никита назвал фамилию. Ему пришлось пояснить: ну как же? Тот самый, который... Катя поначалу никак не отреагировала на эту новость. Ну, убили и убили. Земля ему, бедному, пухом. Однако чуть позже...

Мещерский отправился на кухню варить кофе. И хлопнул там нечаянно одну из чашек нового сервиза. Координация подвела. Катя пошла помочь ему собрать осколки. Она бросила их в мусорное ведро. Еще минуту назад чашка была цела, и вот ее не стало. Хрупкий фарфор. Кратковечный. И внезапно ей вспомнился он, Бортников. Как он сидел, писал заявление. С его ботинок на пол дежурки натекла лужица. Катя помнила и это. У него не оказалось ручки, чтобы писать, и Катя дала ему свою. И забыла забрать.

Время словно потекло вспять: стоя на кухне Мещерского, Катя одновременно все еще была там, на шоссе, в дежурке поста ДПС, и видела, как потерпевший Бортников пишет свое последнее заявление.

Катя еще не подозревала, прологом каких событий станет та случайная встреча с этим человеком. Ей было немного не по себе от мысли, что человек-то, оказывается, по сути своей не более долговечен, чем эта вот чашка из белого дешевого фарфора в трогательный розовый цветочек.

Глава 8

Летчики

«Это был обычный день майора милиции. Один из многих, из которых складывалась вся его жизнь...»

Колосов в понедельник явился на работу рано. В дежурной части работал телевизор. Шла древняя картина «Это случилось в милиции» про майора-полупенсионера. И голос диктора проникновенно повествовал с экрана о «многих, многих днях». Никита вздохнул – эх, жили люди! Гражданским розыском занимались и об этом фильмы снимали. А тут... Он прислушался – Марк Бернес в телевизоре, облаченный в синюю генеральскую форму, строго внушал кому-то из отрицательных персонажей, что, мол, тот «звонит в лапоть». «А сейчас так никто уже не говорит, – подумал Никита. – Ни они, ни мы. И феня стала какая-то темная».

– Что вздыхаешь, как старый дед, Михалыч? – поинтересовался дежурный, приглушая звук телевизора. – Не выспался, что ли, за выходные?

Колосов задираться не стал. Выспался... Тебе б так спать на посту, товарищ капитан, и видеть во сне министерскую проверку. Единственной отдушиной за все выходные оказались именины Мещерского. Да, это уж точно был «один из обычных дней майора милиции». Колосов вспомнил именинника: Мещерского под конец торжества так славно развезло. «Восьмерка» не подкачала. Но это уже случилось после того, как он, Никита, отвез Катю домой. Они с Сергеем еще врезали как следует и...

А Катерина Сергеевна их покинула. Пробило девять на часах, и она, как Золушка, вскочила и... Как Лиса Патрикеевна вильнула хвостом перед самым носом охотника, а в руки не далась. Там, в машине, когда он вез ее домой по вечернему снежному городу, он твердо решил: вот сейчас приедем и у подъезда он ее поцелует. А что? Давно пора! Сколько раз слово себе давал. А слово начальника убойного отдела – не воробей. Муж этот еще ее... Ну и что, что он муж? Давно и с ним пора все прояснить. Точки все поставить. Он, правда, друг детства Мещерского, но... А в таких делах кто друг, а кто первый враг.

Колосов вспомнил, как они приехали к Катиному подъезду. И он хотел сдержать слово, только вот колебался, что сделать сначала – обнять ее крепко или с этим не спешить, а привлечь Катино внимание фразой: «Послушай, я давно собирался сказать тебе...»

– Ты назад осторожно смотри возвращаясь, – строго опередила его Катя. – Я гляжу, здорово вы с Сережкой нагрузились. Вообще-то зря я тебе разрешила за руль в таком виде сесть. Да, а что ты на меня так смотришь, Никита?

Что он мог сказать ей на это? Буркнул, что за руль садится в любом состоянии и ни в чьих разрешениях не нуждается. И вообще просит не учить его...

– Я и не учу, очень надо. Подумаешь, тоже мне! – фыркнула Катя и хлопнула дверью.

Да, и это тоже был обычный день майора милиции. Хмурый, безрадостный день, без надежды на сочувствие и взаимность.

– Никита Михайлович, доложите обстановку по убийству Бортникова. Вы на место выезжали? Что сделано за выходные?

Колосов очнулся от дум. Ба! Оперативка уже началась. А он-то замечтался. И снова от него что-то хотят. Каких-то рапортов, докладов. Прямо вынь да положь.

Оперативка, как всегда, протекала бурно. Дело Бортникова (Колосов с великим трудом переключился на обстоятельства смерти этого бедного жмурика с Ленинградского проспекта) было признано в конце концов «чисто московским», но с одной нудной оговоркой – началась-то эпопея эта с пропажи денег, причем весьма внушительной суммы. А пропали они в области. А значит, в рамках взаимодействия со столичными коллегами надо этот свой участок досконально отработать. А потом уж с чистым сердцем передавать все материалы в Москву. С рук долой.

– На сегодня назначена встреча с руководством авиакомпании, – доложил на оперативке Сладков. – Там часть документации финансовой уже следователем изъята. А по обстоятельствам происшедшего мы с Никитой Михайловичем можем туда вместе поехать, побеседовать.

Однако начальство решило иначе: допросом руководства авиакомпании займется только Колосов. Дело Бортникова – дело об убийстве, значит, и работать по нему сыщикам «убойного» отдела. А транспортники могут переключаться на дела другие, благо их – пруд пруди. Начальство славилось своей справедливостью, как футбольный рефери. Сладков с облегчением вздохнул и кивнул Колосову – что ж, я умываю руки. Никита хмыкнул: вот и выдали на оперативке всем на орехи. От каждого по способностям, как говорится...

В результате в Шереметьево он отправился один. Дорога, как всегда по утрам, была забита. По Ленинградскому проспекту он ехал как раз мимо того самого дома. Темно-розовые кирпичные корпуса его видели все, кто следовал по этой дороге. Колосов машинально подумал: а сколько всего жильцов обитает в этом самом четвертом корпусе? Этажей-то в доме девять. И на каждой площадке по четыре квартиры, а это значит... Черт, тут прямо калькулятор надо, по головам считать, как овец. Проверять придется абсолютно всех. Это еще там, на месте происшествия, стало ясно. Свидерко так и брякнул загробным тоном: тотальная поквартирная проверка. Версий у него уже было предостаточно. Только вслух он о них пока не говорил. И действительно, что зря в этот самый лапоть звонить?

Однако сам Никита решил с версиями пока повременить. Сначала надо разобраться в ситуации. Возможно, кое-что станет более понятным после сегодняшней встречи с руководством компании, в которой работал этот Бортников.

Аэропорт Шереметьево-1 Колосова прямо-таки обескуражил и огорчил. Теснотища, народу кругом уйма – к стойкам регистрации не протолкнуться, где зал вылета, где прибытия, непонятно. И вообще, нагорожено всего – какие-то пластиковые перегородки, какие-то ларьки-стекляшки. В Шереметьево-1 Никита не был давным-давно и смутно помнил, что аэропорт этот вроде бы внутренний, а не международный.

Однако на деле оказалось все не так просто. В справочной он поинтересовался, где расположен офис компании «Трансконтинент». Дежурная пожала плечами и неопределенно махнула куда-то в самый конец длинного терминала.

Никита протискивался сквозь потную толпу пассажиров – баулы, сумки на колесиках, тюки, чемоданы. Вид у пассажиров был такой измученный, что он сразу решил: летят, бедолаги, куда-нибудь в Тынду заполярную, а там аэропорт

из-за снежного бурана не принимает. «Рейс 718 авиакомпании «Трансаэро» Москва – Римини задерживается до 17 часов», – объявили по радио.

Словно ветер прошумел по толпе, пассажиры поникли, как хлебные колосья в грозу. Еще полдня ожидания. А Никита искренне удивился: надо же, это они, оказывается, в Италию летят! На Средиземное море с такими-то похоронными физиями.

«Чартер есть чартер, что вы хотите, – делились соображениями стоявшие рядом с Никитой две гражданки. – Пока самолет до упора не набьют, пока у него дно не отвалится – не полетят. Это что, мы хоть дома сидим. А я вот в прошлом году в Испании отдыхала, в Аликанте. Авиакомпания другая была, но все то же самое. Туда, правда, долетели ничего. А обратно, представляете, самолет за нами не прилетел. Чартер проклятый! Так мы три дня прямо в зале ожидания спали. Денег ни у кого нет, визы закончились, а эти, из представительства фирмы, говорят: отель за свой счет. Ну, мы в крик все. Испанцы на нас вот такими глазами, как на диких... А я говорю: полицию давай сюда, пусть нас всех в участок забирают и потом за их счет депортируют из страны. Но до этого не дошло. Прилетел самолет за нами на четвертый день. Я было зареклась: больше никуда на отдых не поеду. А вот, видите, опять лечу!»

Колосов мысленно заплодировал храброй землячке. Продрался сквозь толпу и увидел в конце зала несколько дверей с противоречивыми надписями: «Служебный вход. Вход воспрещен».

За дверью дремал на стуле охранник. Он и пояснил Колосову, что офисы «Трансконтинента» не здесь, а в пятом терминале, что проход через летное поле строго карается, но, если в офисе его ожидают, он может позвонить туда по внутреннему телефону и за ним придут. Сказано – сделано.

Ждать пришлось долго. Потом появилась энергичная девица лет сорока в модных кожаных брюках и парике от «ревлон» и повела Никиту в глубь территории аэропорта.

Офисы «Трансконтинента» располагались на третьем уровне пятого терминала и были похожи на крохотный пластмассовый рай: в тесных светлых комнатках все было словно какое-то игрушечное, как в кукольном домике, – пластиковые шумоулавливающие панели на стенах, жалюзи на окнах, цветы в кашпо,

ковровые дорожки. Все было новенькое, точно вчера из магазина, и какое-то липовое. Складывалось впечатление, что все это декорации для мыльной оперы «Аэропорт».

Колосова провели в небольшую приемную, заставленную кожаной мебелью, и попросили немного подождать. Через пять минут в приемную тесно набился народ: персонал компании – летчики, инженеры, механики. Все молча, выжидательно смотрели на Колосова. Дверь кабинета открылась, и появился высокий седоволосый краснолицый мужчина в дорогом синем костюме и модном галстуке.

– Я Жуков Михаил Борисович, – представился он с важностью. – Вы из милиции? Прошу вас, заходите. Есть какие-нибудь новости?

Никита оглядел кабинет – небольшой и тоже какой-то игрушечный, новый. Главное место в кабинете было отдано отнюдь не рабочему столу или карте мира, а гигантскому, чуть ли не во всю комнату, телевизору из семейства домашних кинотеатров.

– Новости есть, Михаил Борисович, – Колосов опустил в предложенное кресло. – Я вам о них скажу, но чуть позже. Сначала вы мне расскажите, что у вас тут произошло.

Жуков нахмурился и сухим официальным тоном начал излагать то, что Колосов и так уже знал со слов Сладкова и из материалов дела. В частности, из того самого первого и последнего допроса потерпевшего Бортникова.

– Александр Бортников давно работает в вашей компании? – спросил Никита.

– С самого ее основания, семь лет уже.

– И что вы о нем как о сотруднике можете сказать?

– Он толковый, грамотный. Инициативный, умный. Реорганизовал тут у нас полностью всю службу охраны. Честный. Что еще? Никаких нареканий никогда не имел. Инициативный, ах да, это я уже говорил.

– А эта служба охраны ваша, она вообще для чего вам? – полюбопытствовал Никита. – Пассажиров проверяете своих, да?

– Мы пассажирскими перевозками не занимаемся. Только грузоперевозками, – отчеканил Жуков. – Служба охраны ориентирована как раз на этот наш профиль. Ну, сами понимаете, только те грузы берем, которые по инструкции, никаких там иных... Охраняем также свой авиапарк силами службы...

– Большой авиапарк?

– Это что, имеет непосредственное отношение к нашему вопросу?

Колосов посмотрел в окно: жалюзи. И никаких тебе самолетов.

– Утрата ста семидесяти пяти тысяч долларов для вашей компании существенная потеря? – спросил он, прислушиваясь к гулу мужских голосов за дверями кабинета. Летчики что-то бурно обсуждали.

– Это взнос компании по банковскому кредиту, по процентам, – уклончиво ответил Жуков.

– Это я понял. Но для вашей компании потеря этих денег – солидная брешь в бюджете или так себе, пустячок?

– Я вас не совсем понимаю. Вы... вы что, нашли тех, кто напал на Бортникова?

– Мы нашли вашу «Волгу», Михаил Борисович.

– Нападавшие ее бросили? Машину бросили, а деньги забрали? Так вас надо понимать?

– Нет, не так. Но с вашими вопросами не торопитесь, – Колосов покачал головой. – Значит, Бортников, как вы его характеризуете, сотрудник выше всяких похвал?

– У меня... у руководства компании к нему никогда никаких претензий не было.

- А роль кассира-инкассатора он у вас и раньше выполнял?

- Ну да, он иногда отвозил деньги в банк.

- И всегда такие вот крупные суммы?

- Нет, суммы были гораздо меньше. У нас просто в этом месяце срок платежей по банковскому кредиту.

- А что, у вас острая нехватка кадров, да? Что, очень дорого вам обошлось бы посадить в ту «Волгу» вместе с Бортниковым пару-тройку крепких ребят из охраны?

- Но... конечно, это наша ошибка. Но он ведь сам руководитель службы охраны. Он отличный, опытный сотрудник. И он... он не был против. Руководство ему всецело доверяет и всегда полагалось на его опыт и... Ну, я не знаю, что вам еще сказать, кроме того, что мы наказаны за нашу же собственную ошибку. Вы что, хотите, чтобы мы Бортникова наказали? За халатность? Но он ведь и так пострадал – на него напали бандиты. Хорошо, еще жив остался, могли ведь и прикончить. Разве мало таких случаев?

- Да, – согласился Никита. – К сожалению, так и вышло.

- То есть? – Жуков удивленно вскинул голову. – О чем вы? Он же мне сразу из милиции звонил, все рассказал, доложил...

Когда он услышал о том, что Бортников убит, лицо его сначала выразило сомнение – как же так? Что вы говорите? Жуков явно не верил. Колосов вкратце рассказал ему о случившемся в субботу.

- Вы говорите, он найден мертвым в каком-то доме, в квартире? – Жуков опять не верил. – В какой квартире? Он же... Саша... Саша ведь за городом живет, в Менделееве, у него там дом, от отца остался...

- А ваша машина обнаружена нами во дворе того же дома, где найден труп Бортникова. Машина оставлена закрытой, с включенной сигнализацией.

- Вы хотите сказать, что... - Жуков ошеломленно смотрел на Колосова.

- Я хочу сказать, что, по нашим данным, никакого разбойного нападения не было. Бортников солгал и нам, и вам. Инсценировал все, чтобы присвоить деньги, которые вы ему доверили. А потом кто-то убил его.

- Кто? - хрипло воскликнул Жуков.

- Это я и выясняю. С вашей, Михаил Борисович, помощью. И я хочу теперь услышать ваш ответ на свой прежний вопрос: потеря этих денег сильно ударила по вашей компании?

Жуков прислушался к голосам за дверью.

- А как вы думаете? - спросил он устало. - Это была основная часть платежа. Денег нет - завтра срок истекает, банк наш счет заморозит. Ни горючего для самолетов, ни средств на зарплату персоналу. Слышите? Вон уже собрались, митингуют.

- Как же вы допустили, чтобы Бортников ехал один, без сопровождения?

- Но он же... Я ж его сам на работу сюда брал. Отец его тогда еще жив был, мы же с ним четверть века знакомы, в одном экипаже отлетали вместе сколько лет... Я ж Саньку вот таким пацаном знал. Он на моих глазах рос. Я ему, как себе, верил. Он у нас тут всей безопасностью заведовал.

- Дозаведовался, - Колосов вздохнул.

Так и есть, как он и думал: слепая вера в «своих» людей, верных до гроба. Можно было, конечно, заподозрить и другое. Например, что и эти показания Жукова - инсценировка. И существует, точнее, существовал прямой сговор начальника и подчиненного, направленный на завладение деньгами компании. Но тогда выходило, что этот седой бывший летчик - сообщник Бортникова. И возможно, его убийца.

- А откуда вам Бортников вечером звонил? Из Менделеева?

– Он обычно всегда звонит со своего мобильного телефона.

«Так, – подумал Никита, – телефон у Бортникова все же имелся. А там, на месте происшествия, его не оказалось. Случайное ли это совпадение?»

– И что же, вы за эти дни даже не потрудились к нему домой съездить, поговорить, выяснить все: что произошло, где деньги?

– Я... он все очень подробно мне тогда по телефону доложил. Потом я с вашим сотрудником лично разговаривал. Он мне тоже все подтвердил: разбойное нападение, машина угнана, ваш сотрудник Бортников пострадал. У меня и в мыслях не было, что все это ложь, что Санька все это придумал, чтобы... Да полно, – Жуков снова недоверчиво глянул на Колосова. – Так ли все это было? Может быть, вы ошиблись? Я же его знаю – не мог он так подло поступить с компанией, с коллегами, со мной, наконец. Он же меня... Я же его как сына тут принял, как родного сына.

Колосов вздохнул: да, развели тут семейственность, летчики-налетчики...

– Друзья-приятели у него здесь, в аэропорту, были какие-нибудь? С кем он хорошие отношения поддерживал, кроме вас?

Жуков пожал плечами:

– Да он со всеми был в отличных отношениях. Любого спросите – от пилота до механика, все Бортникова знали. Мне он как родной был. Со всеми болячками своими куда шел? Сюда, ко мне. «Дядя Миша, помогите».

Колосов посмотрел на Жукова.

– А болячки-то у него насчет чего были? – спросил он. – Что-то личное?

– Да нет, в основном за дела наши он душой болел. Что бы еще такого сделать, чтобы компания лучше работала, эффективнее, выгоднее.

– Но это ведь не вопросы службы охраны.

– Ну, мы фирма небольшая. Весь коллектив – сто человек. У нас все проблемы – общие. Собрание акционеров все решает, а акционеры – весь коллектив.

– Выходит, особо близких друзей здесь у Бортникова не было? Так я вас понял?

– Да нет, особо чтобы близких не водилось. Он ровный был со всеми, приветливый. Но это чисто внешне, а так он замкнутым человеком был, молчуном. Приезжал на работу раньше всех, уезжал позже – охрана есть охрана. Пожалуй что, – Жуков тяжело вздохнул, – я ему тут самым близким человеком был. Потому и с деньгами этими так вышло.

Жуков достал сигареты и закурил. Руки у него были крупные, костистые. Сигарета казалась в них тоненькой, как спичка.

– Бортников не был женат? – спросил Колосов.

– Нет.

– Но у него кто-нибудь был?

– Вы мне такие вопросы задаете, молодой человек...

– Ну, может, какие слухи тут у вас ходили. Какая-нибудь молоденькая стюардессочка? Вон они тут какие красавицы у вас.

– Нет, не слыхал я ничего про эти дела. Он не говорил никогда, я не спрашивал. Я ж говорю, он молчун был, в отца весь. Серьезный не по годам.

Колосов помолчал, ожидая, может быть, Жуков еще что-то вспомнит, но тот молча курил.

– «Волгу» можете забрать, – сказал Колосов. – Мы ее на стоянку нашу перегнали к посту ДПС. Если временем располагаете, можно прямо сейчас туда подъехать. Расписку нам напишете, машину осмотрите.

– Хорошо. Я поеду со своим водителем, он «Волгу» потом сюда перегонит. Только, если вам не трудно, подождите минут десять-пятнадцать. Я тут кое с

какими делами покончу, и поедем.

Колосов вышел в приемную. Завидя его, все, кто там находился, точно по команде умолкли. Под пристальными взглядами Колосов опустился на диван. В приемной было сильно накурено.

– Ну, заходите, что ли, – пригласил Жуков хмуро, и летчики повалили в кабинет. Дверь захлопнулась.

Разговор за закрытыми дверями сразу же перешел в яростный спор. И продолжалось все это довольно долго. Наконец Жуков вышел из кабинета.

– Все, я сказал – все, хватит, довольно! – Лицо его покраснело еще сильнее. – На сегодня я сыт по горло вашим базаром. Хотите митинговать дальше – митингуйте без меня. А я вам все сказал. Все доложил, о чем меня вот правоохранительные органы проинформировали.

– Но нам-то что теперь делать? – выкрикнул кто-то. – Другую работу искать? Увольняться? Платить-то кто нам теперь будет? Даже за горячее не сможем рассчитаться, за то, которое уж в баки залили!

– Будем изыскивать средства, как-то выходить из положения! – рявкнул Жуков. – А вы как хотите, а? Когда мы тут все только начинали, думаете, легче нам было?

– А милиция-то что – воды в рот набрала? – снова крикнул кто-то.

Колосов поднялся, заглянул в кабинет. Все молчали.

– Мы работаем, – скромно ответил он. – Ищем убийцу Бортникова.

Все смотрели на него с таким видом, словно он сказал нечто неприличное.

– И деньги ваши тоже ищем, – закончил Колосов. – Не переживайте.

И все снова зашумели. Возбужденно и громко. Но в нестройном шуме этом слышалось явное облегчение и смутная надежда: а вдруг повезет? Вдруг найдут?

– Мы тоже, того, сложа руки тут сидеть не будем. – Жуков откашлялся. – Раз такие подозрения, мы внутреннее расследование проведем.

– Это ради бога, как хотите, – разрешил Колосов. – Ну, мы едем за машиной или нет?

Вместе с ними за «Волгой» отправился водитель Жукова по фамилии Антипов. Оба сели в колосовскую «девятку» – Жуков по-хозяйски решил: раз милиция готова подвезти, чего ж зря еще и служебную машину гонять? Возвращаться-то все равно на «Волге» придется.

«Волга» ждала своих владельцев все там же, на Соколе, только уже на стоянке ДПС, расположенной недалеко от железной дороги. По пути на Сокол Жуков почти все время угрюмо молчал. Колосов наблюдал за ним в зеркало. Бывший летчик Аэрофлота, а ныне топ-менеджер «Трансконтинента» выглядел сильно расстроенным. Оставалось только гадать, в чем кроется истинная причина этого его подавленного настроения. То ли в том, что Бортников – сын друга его юности – мертв, то ли в том, что он оказался таким вот подлецом и обманщиком, а может, и в том, что труп жертвы найден слишком уж быстро, несмотря на все старания и расчеты убийцы.

Как бы там ни было, Жуков молчал. А вот шофер Антипов – смуглый, быстрый, похожий на цыгана парень – засыпал Никиту целым градом вопросов. Сначала все они касались исключительно «Волги» – цела ли, не разбита, не поцарапана ли? Все ли на месте или, может, что снято? Кто осматривал машину, где протокол осмотра, дадут ли ему его копию на руки? Кому в случае чего предъявлять претензии?

– Что-то вы слишком уж тревожитесь, – хмыкнул Колосов. – Так уж прямо и жаловаться. На то, что машину вашу нашли на второй день?

– Мало ли, – Антипов пожал плечами. – Она ж за мной числится. Я за нее отвечаю. А то знаю я – приедем на стоянку, а там один кузов – без стекол, без дверей, без колес. Что я, первый раз, что ли, наивный я? Так я говорю, Михал Борисыч?

Жуков поморщился, как от зубной боли.

– Никакого похищения машины не было, – сказал Колосов. – Ее пригнали во двор дома на Ленинградском проспекте. Поставили на стоянку, заперли, сигнализацию включили. И, скорее всего, дело так обстояло: «Волга» прямо из Шереметьева была перегнана на Ленинградский проспект и поставлена во дворе. Спрятана там. Произошло это примерно около часа дня – времени надо не много, чтобы доехать от аэропорта до Сокола. Позже на аэропортовском шоссе произошла авария из-за снегопада, там все движение застопорилось. Думаю, все это произошло до той аварии. А спустя еще два с половиной часа о пропаже «Волги» и разбойном нападении было заявлено нам. И мы ее начали искать – на трассе. То есть там, где ее не было и быть не могло. Умно придумано, а, Михаил Борисович?

– Саша никогда не был... Он никогда прежде не... Ну, я просто не знаю! – Жуков отвернулся к окну.

– «Волга» ведь почти новая, да? – спросил Колосов Антипова.

– Совсем новая, пробег три тысячи всего, – ответил тот. – Недавно новые машины пришли.

– Ну, может, покупатель какой уже имелся на примете? Машина-то недорогая, наша, но все ведь деньги. Зачем зря добру пропадать? – усмехнулся Колосов.

– Я одно не пойму, – Жуков говорил тихо, – как он нам всем после такого... такого... в глаза собирался смотреть? Как выходить думал на работу в понедельник, лгать, изворачиваться?

Они уже ехали по Ленинградскому проспекту.

– А вот и наш дом, – Колосов указал направо. – Тот самый.

Дом проплывал мимо – кирпичные корпуса, ровные квадраты окон.

– Магазин тут раньше был хороший, – заметил Антипов. – Я, помню, пацаном еще тут лыжи с отцом покупал. А Сан Саныча я как раз сюда подвозил. Было такое дело.

– Когда? – быстро спросил Колосов. – Вспомните поточнее, прошу вас, это очень важно.

– Когда? Да как раз когда у нас катавасия с самолетом в Эмиратах приключилась... Точно!

– Что еще за катавасия? С каким самолетом? – Колосов посмотрел на Жукова. – Когда это было?

– В конце сентября. Самолет и груз у нас на таможне в Дубае арестовали, – ответил тот. – Неприятная история, но это вообще не может иметь никакого отношения к...

– Да тогда у нас все целую неделю сутками работали. Ну, и охрана тоже, – перебил его Антипов. – А как выпустили в Эмиратах самолет, то и... Я ж помню – вечером дело было. Бортников подошел ко мне – куда, спрашивает, в Москву? Я говорю: домой еду, я-то сам в Чертанове живу. А он мне, давай не через Окружную – я-то обычно так езжу, – а давай через центр. Меня подбросишь. Он-то хорош был, теплый уже. Наши вылет самолета отпраздновали. Ну, и поехали мы с ним. Этой вот самой дорогой. Он сказал, что ему надо на Сокол. Я его хотел у самого метро посадить, а он вот тут, у этого самого дома, велел остановиться и в арку зашел, к тому, последнему, корпусу, я видел.

– А к кому он ехал? – спросил Никита. – Вспомните, пожалуйста, может быть, говорил о ком-нибудь, имя называл?

– О самолете мы всю дорогу говорили, больше ни о чем. А ехал он, видно, не домой, а в гости. Потому что вечер поздний – а у него в руках сумка была с коробкой ха-ароших дорогих конфет и шампанское было – это я точно помню. И про цветы он меня спрашивал, ну, насчет букета, где бы достать?

– Ну, купили вы букет по дороге?

– Купили. У «Войковской». Хоть и поздно уже было, там цветочный ларек еще работал. Здоровый он букет купил. Розы. Я еще пошутил, словно на свадьбу веник. А он так вот рукой махнул небрежно – живем, мол, один раз. Как в воду, выходит, глядел, – Антипов вздохнул и покосился на Жукова.

Дом они уже проехали. Колосов свернул к железной дороге.

Глава 9

Сажин

Евгений Сажин уехал с работы сразу после обеда: из магазина в этот день ему должны были привезти мебель. Отпрашиваться ни у кого не пришлось. С тех пор как полгода назад Сажин занял пост коммерческого директора проектно-строительной фирмы «Ваш дом», он лично распоряжался своим служебным временем и был этим очень доволен. Фирма, правда, была скромной, входила в ассоциацию столичных строительных компаний, но с легкой руки такого строительного гиганта, как «Мосжилкомстрой», имела регулярные заказы: вела строительство индивидуальных коттеджей в Подмоскovie и одновременно занималась реконструкцией старинного особняка в Замоскворечье, приобретенного под представительский офис Строительным банком.

Через «Мосжилкомстрой» фирма «Ваш дом» занималась еще и тем, что выкупала у различных жилищных фирм и организаций жилье – ведомственное, реконструированное, после капремонта, – а затем перепродавала его.

Квартира на Ленинградском проспекте поначалу была приобретена «Вашим домом», а затем коммерческий директор фирмы Евгений Сажин выкупил эту квартиру для себя.

Коллеги по работе советовали другое: приобрести коттедж, например в Куркине, – это престижнее и выгоднее, учитывая льготы для строительной фирмы. Но Сажин отказался наотрез, объясняя отказ тем, что у него больная пожилая мать. И случись что с ней, «Скорая» в Куркино в коттеджный поселок просто не доедет.

Мать Сажина страдала астмой. Но ее голос в выборе места жительства не был решающим. Сажин лукавил: квартира на Ленинградском проспекте приглянулась ему самому. А мать даже не знала, куда они переезжают со своей старой квартиры на Профсоюзной. Она так ничего и не узнала – умерла в июле в

самый разгар переговоров о покупке квартиры.

Сажин похоронил мать на Преображенском кладбище, где был похоронен брат и все прочие родственники, а уже в сентябре переехал на новую квартиру и занялся ее обустройством. Точнее, сначала были только планы. И они более двух месяцев так и оставались планами: летне-осенний сезон, как известно, в строительном бизнесе – самая жаркая пора. Фирма «Ваш дом» была связана контрактом, за просрочку грозили крупные штрафы.

Сажин пропадал на объектах целыми днями и просто не мог снять со строительства ни одной бригады. А доверять ремонт своей квартиры не «своим» не хотел. В результате отделкой собственного жилья он занялся только в ноябре. К Новому году почти все было готово.

Все время Сажин жил в условиях ремонта, выбрасывать деньги на «съемную» он не собирался, а к спартанским условиям привык. В феврале все эти лишения и неудобства вспоминались уже как нечто несущественное. Ремонт и отделка квартиры закончились, уступив место мебелино-интерьерной лихорадке.

Сегодня как раз должны были привезти из магазина купленную мягкую мебель.

Заехав во двор дома, Сажин поставил машину на свое обычное место – между двумя занесенными снегом «ракушками». В последние дни место это занимала синяя «Волга», но сейчас ее не было и Сажин занял стоянку со спокойным сердцем. У него самого был «Фольксваген Пассат» – не новый, конечно, но вполне еще сносный.

Сразу подниматься в квартиру Сажин не стал – грузчики должны были вот-вот прибыть. И действительно, минут через пять грузовая машина, украшенная аляпистой рекламой магазина мебели, въехала под кирпичную арку. Разгрузка началась.

На площадку перед подъездом выставлялись белые кожаные кресла, запакованные в целлофан. Затем настала очередь секций углового дивана.

В этот момент во двор въехала еще одна машина – серебристая новая «десятка». Из нее вышла высокая брюнетка средних лет в меховом жакете из чернобурки и девочка в клетчатых брючках и ярко-алой спортивной куртке.

Сажин узнал своих соседок. Брюнетку тоже звали Евгенией. Евгенией Игоревной. Они познакомились пару месяцев назад в ЖЭКе, а до этого только вежливо здоровались в лифте. Имя девочки – дочери Евгении Игоревны – Сажин не помнил. Не знал, как зовут и ее мужа – плотного, лысого, очень близорукого и очень серьезного, носившего модные очки и обычно приезжавшего домой на черном служебном «БМВ» с шофером.

Евгения Игоревна закрыла машину, энергичной походкой направилась к подъезду.

– Добрый день, – поздоровалась она с Сажиним. – Это вы. А я подумала, новые жильцы приехали.

– А это только я. Здравствуйте, – Сажин, улыбаясь, виновато развел руками.

– Оля, иди, вызывай лифт, – обратилась Евгения Игоревна к дочери.

Та пошла к подъезду, однако у двери вдруг в нерешительности остановилась. Евгения Игоревна этого не заметила, все ее внимание поглощала мягкая мебель, выгруженная из машины.

– Ваши? Очень миленькие кресла... И диван какой, боже, какой чудесный диван! Стильный и какой же большой. Это угловой, да? Кожа натуральная? А не боитесь, что белая, вид быстро потеряет? Замылится?

– Ну, замылится – почистим, – Сажин продолжал улыбаться.

– Вы, мужчины, все такие. Почистим! – усмехнулась Евгения Игоревна. Она наклонилась и потрогала обивку. Сажин ощутил аромат тонких дорогих духов. – Качество превосходное. Где покупали? В «Гранде»?

– Нет, в Доме итальянской мебели.

Евгения Игоревна выпрямилась – она была высока, но все равно едва доходила Сажину до плеча.

– И где же этот дом находится? – спросила она, окидывая собеседника оценивающим взглядом. Во взгляде этом было что-то кошачье – лукавое, жесткое и одновременно загадочно-манящее.

– На Варшавке.

– У вас отличный вкус, Женя.

– Спасибо, вы мне льстите. – Сажин кивнул грузчикам и пошел к двери подъезда набирать код. Мебель должны были втаскивать по лестнице. В лифт ни кресла, ни тем более диван не входили. Евгения Игоревна поспешила следом.

И только тут увидела, что дочь ее все еще переминается на ступеньках.

– Оля, в чем дело? Я же сказала: вызывай лифт.

Девочка оглянулась на них и нехотя взялась за ручку.

– Не бойся, мы следом за тобой, – громко сказал Сажин.

Евгения Игоревна искоса глянула на него.

– С ума сойти, – произнесла она. – Ну, просто ни в какие ворота. Вы понимаете, о чем я?

Сажин вежливо пропустил ее вперед, нагнулся и подсунул под дверь кирпич, чтобы грузчики беспрепятственно вносили мебель.

– Убийство прямо в доме, – Евгения Игоревна нервно хмыкнула. – Неудивительно, что... Оля, Олечка, я иду, иду, не волнуйся. Неудивительно, что дети так напуганы. Я и сама уже вторую ночь не сплю. Кстати, к вам милиция тогда приходила?

– В квартиру нет, но нас всех на лестнице опрашивали – меня, Надежду Иосифовну и...

– А к нам заявились прямо в квартиру. Слава богу, мой муж был дома, – Евгения Игоревна говорила быстро. – Ну он, короче, их всех вежливо послал. А что в самом деле? Мы знать ничего не знаем. Я ему прямо так и сказала: Стас, мы с тобой знать ничего не знаем. И все. Но так все это неприятно, так дико неприятно! Хоть прямо уезжай, бросай все. А сколько денег вбито в этот дом, и вот нате вам, пожалуйста!

– Лифт, – сказал Сажин. – Вы поезжайте, я все равно с грузчиками, – он вежливо пропустил соседку к лифту. – Всего доброго.

– У вас, повторяю, отличный вкус. А мы пока со старой мебелью еще, – Евгения Игоревна была в настроении поболтать еще. – Но думаю, вскоре тоже начнем ездить по салонам, смотреть. Точнее, все это, как всегда, ляжет на мои плечи. У мужа предстоит длительная заграникомандировка... А вы ведь, кажется, тоже перепланировку в квартире делали? А можно как-нибудь к вам зайти, взглянуть?

– В любое время заходите, буду рад, – Сажин был само гостеприимство. – Лучше вечером, я поздно с работы приезжаю.

– Ловлю вас на слове, Женя. – Евгения Игоревна наконец вошла вслед за дочерью в лифт, и двери закрылись. Сажин подумал: надо же, она помнит, как его зовут. А говорят, у женщин, тем более у замужних, – короткая память.

Он дождался, пока лифт доедет до четвертого этажа, еще немного помедлил, а затем вместе с грузчиками начал подниматься по лестнице. Открыл дверь своей квартиры, давая указания вносить диван и кресла и куда ставить. Грузчики шумели, переговаривались.

Тут открылась дверь двенадцатой квартиры. Сажин увидел еще одну свою соседку. Это была молодая светловолосая женщина в старых джинсах и домашнем свитере. Густые волосы ее были собраны в пучок и подколоты заколкой. Лицо бледное, встревоженное.

– Добрый день, – поздоровался с ней Сажин. – Простите за шум. Это я... мы мебель вот грузим.

– Это вы, а я думала...

– Нет, это я. – Сажин задержался в дверном проеме. Ему приходилось сильно сгибаться – соседка была маленького роста, худенькой. – Вы не волнуйтесь и ничего не бойтесь. Вы сегодня не работаете?

– Я приболела. – Голос соседки был действительно болезненным, тихим. – Грипп, наверное, подхватила.

– Надо побережись, – сказал Сажин. – Сейчас февраль, самая гриппозная зараза. Осторожнее! – крикнул он грузчикам – те как раз пропихивали через дверь одну из секций дивана. – Видите же, что так не проходит, повернуть надо! Боком!

Соседка закрыла дверь. Щелкнул замок, звякнула цепочка. Сажин вытер со лба испарину. Кто сказал, что у грузчиков легкий хлеб?

Глава 10

Ключ и топорик

В отделении милиции на Соколе тоже шел ремонт. Ползучий – как назвал его Николай Свидерко. Часть кабинетов от этого походила на руины, а в другой части на головах друг у друга ютился личный состав. Работать в условиях ползучего ремонта было просто страшно. А переезжать милиционерам было некуда.

Оперативный штаб по раскрытию убийства на Ленинградском проспекте заседал в одной из таких комнатух: Николай Свидерко и человек семь оперативников.

Когда Никита Колосов после выполнения всех формальностей с возвращением «Волги» заехал к Свидерко поделиться впечатлениями, у «москвичей» как раз случился обед. Сыщики пили растворимый кофе из огромных керамических кружек, жевали пирожки с мясом и повидлом, приобретенные в ларьке у метро. Кто-то оживленно предлагал «слетать» за пивом.

– Сухой закон!

Это было первое, что услышал Никита от Николая Свидерко, переступив порог.

– Сухой закон, жесткий. До тех пор, пока дело не раскроем. – Свидерко восседал в углу за столом. – А то я знаю вас.

Колосов понял: выбившись в начальство, Свидерко решил круто завернуть гайки. И по лицам сыщиков он понял, что процесс завинчивания как раз в начальной стадии. Он поздоровался и тут же получил свою долю пирожков. Прихлебывая кофе, он выложил на стол перед Свидерко расписку Жукова о получении «Волги» и диктофон, взятый из «девятки», с записью беседы по пути на Сокол. Прослушивали запись всем кабинетом.

– Так, – хмыкнул Свидерко, – есть такое дело. Потянулась, кажется, ниточка. Ну-ка, крутани еще раз, что там шофер про поездку на Ленинградский сказал.

Крутанули еще раз. Свидерко придвинул к себе позапрошлогодний календарь и что-то быстро записал на нем.

– Надо все переварить, – сказал он. – Но чуть позже. Сначала, Никита, это вот прочти, ознакомься. – И он передал Колосову два отдельных экспертных заключения. Одно было от патологоанатома, второе из криминалистической лаборатории.

Колосов начал с заключения по техническому исследованию замка двери пятнадцатой квартиры, где обнаружили труп Бортникова. Вывод эксперта был категоричен: никаких следов взлома не обнаружено. Не обнаружено и следов подбора ключа. Замок открыли непосредственно тем ключом, который к этому замку прилагался. Или же его дубликатом.

Заключение патологоанатома по исследованию трупа в основном подтверждало все, что было уже выяснено на месте происшествия при первичном осмотре. Даже примерное время смерти указывалось то же самое. Но одна деталь все же патологоанатомом выделялась особо. Он весьма подробно описывал механизм нанесения Бортникову ран, а далее делал вывод, что «судя по их конфигурации, состоянию повреждений затылочной области черепа и кожных покровов головы, в качестве возможного орудия убийства был использован небольшой топор. Скорее всего, – писал эксперт, – это мог быть кухонный топорик для разделки мяса с коротким заточенным лезвием и специфической формой обуха, имеющей

характерную ребристо-шахматную поверхность».

– В самый раз для антрекотов, – сказал Свидерко, увидев, что Колосов прочел заключение до конца. – Вот такой у нас люля-кебаб, Никита. Ну, и что ты обо всем этом скажешь теперь?

– Да я вас приехал послушать. – Колосов отложил заключение и уселся поудобнее на шатком стуле. – Вы тут всею голова, дело фактически полностью ваше. Ну а мы так, на подхвате.

– Не прибедняйся. Началось-то у вас все, повторяю, а к нам просто гармонично перетекло, – Свидерко вздохнул. – Сволочь он, конечно, порядочная был, этот Бортников, мир его праху. У родной фирмы деньги стырил. Дождался момента, когда сумма кругленькой оказалась. Но бог-то, он все видит. Вот он его и покарал. За подлость и за жлобство.

– А кто же, по-твоему, выступил в роли промысла божьего?

– Чего? – спросил Свидерко. – В чьей роли?

Колосов слышал про промысел божий от Мещерского. Смысл выражения самому ему был ясен и даже нравился своей заумностью, однако объяснить все коллеге не хватало красноречия.

– Кто его, по-твоему, пристукнул? – спросил он просто.

– То есть как кто? Сообщник, конечно, – Свидерко изрек это как нечто само собой разумеющееся. – Я как его в квартире увидал, сразу понял – подельника надо искать. Того, что в тени пока остался. И у кого сейчас кейс со ста семьюдесятью пятью тысячами.

Свидерко пустился вдохновенно рассуждать: само по себе появление Бортникова в доме на Ленинградском проспекте, где он не был прописан и не проживал, становилось ясным только при самом простейшем раскладе – он к кому-то туда приехал сразу после аферы с деньгами, машиной и липовым заявлением о разбое.

– Приехал с украденными деньгами и на «Волге» той самой еще до того, как заявил нам о «нападении», – подчеркнул он. – Я думаю, у них все так и было спланировано. – Свидерко покосился на расписку Жукова. – Бортников получает в финотделе авиакомпании деньги, чтобы везти их в банк. В банк он не едет, а едет сразу же на Ленинградский проспект, прячет машину во дворе, деньги передает сообщнику, а сам мчится на другой конец Москвы – на такси или на частнике – это еще выяснять придется, – к Кольцевой, разыгрывать из себя жертву дорожного разбоя. Затем, после всех своих вран и липовых объяснений на допросе, он снова возвращается на Ленинградский проспект, зная, что там его ни одна собака искать не станет. Они с сообщником приступают к дележу краденого. Тут возникает конфликт, и сообщник его убивает. Прячет труп в пустой квартире – возможно, одной из соседних и... Или, возможно, все было так: они еще не успели приступить к дележу денег. Бортников только появился, и сообщник сразу же отправил его на тот свет.

– Значит, по-твоему, сообщник проживает в доме на Ленинградском проспекте в четвертом корпусе? – спросил Никита.

– Да, думаю, именно там он и проживает. Но мне лично кажется, что он там не прописан, а просто снимает квартиру. Так легче потом следы замести: съехал, и концы в воду.

– А этот Жуков Михаил Борисович у тебя подозрений не вызывает?

– А разве этот дядя, такой доверчивый, я бы сказал, преступно, наивно доверчивый, не мог снимать там хату на время всей этой аферы? А что? Вполне они на пару с Бортниковым могли сообразить, как облапошить родную фирму. А все это его словоблудие сегодняшнее о «вере и доверии» так, для отвода глаз.

– А как быть тогда с букетом роз, конфетами и шампанским, как быть с той поездкой и словами шофера Антипова?

Свидерко подумал.

– А разве наш сообщник ею быть не может? – спросил он. – Куда ты клонишь, понятно – цветы, конфеты, шипучка, ночной визит. К бабе так ездят, но... Может, та баба мужа имеет? И не только одна во всем этом замешана? Шерше ля фам, как говорится.

– У тебя полный список жильцов четвертого корпуса есть? – спросил Колосов.

– Только по данным ЖЭКа. Я сотрудникам уже поручил собрать более подробные сведения. Работают по списку, составляют. Полный кондуит, Никита, сделаем. Пахать, чувствую, нам по нему ой как придется.

– Нам? – спросил Колосов. – По-моему, пахать тебе, Коля, придется. Убийство ваше.

– А денежки ваши. – Свицерко сладко, как кот на завалинке, потянулся. – А ты сам-то что летчикам пообещал? – он кивнул на диктофон. – Так-то, друг. Вместе мы, в одной лодке. Но ничего, я сердцем чувствую, пойдет дело. Да что, уже пошло! Круг подозреваемых уже очерчен. Мотив налицо.

– Ты в этом уверен? На все сто процентов?

– На двести, Никита. Когда человек крадет много толстых пачек, перетянутых банковскими резиночками, а спустя сутки откидывает коньки, спрашивается – мог ли он стать жертвой некорыстного преступления?

– Странное какое-то орудие убийства – кухонный топорик, – заметил Никита, – я, признаться, ожидал совсем иного.

– А, ерунда. Стукнули первым, что под руку подвернулось. Лишь бы наверняка. А если у нас не сообщник, а сообщница, то с этим топором вообще нет никаких загвоздок. Все и так сходится. Привычный инструмент домохозяек.

– Да, но почему тогда Бортникова ударили этим топориком не на кухне в квартире, а на лестничной клетке у мусоропровода?

– А кому кровища в своем доме нужна? Чтобы потом эксперты на карачках ползали, паркет выпиливали? Никакому умному дальновидному человеку эта бодяга не нужна. Ни сообщнику, ни сообщнице, если у нее мозги варят. Там и дел-то раз плюнуть – вышла вслед за Бортниковым к лифту, пряча топорик за спиной, улучила момент, бац, трах, и все, финита.

– Но все произошло не у лифта, а на пролет выше, между этажами.

– Это если с четвертого этажа считать, тогда на пролет выше, а если с пятого, то ниже. Может, Бортников с верхних этажей по лестнице спускался? Скорее всего, так и было. Но это мы будем досконально выяснять – к кому приезжал, с кем контактировал.

– А что первичный опрос жильцов дал?

– Ну, на труп окровавленный любоваться, естественно, мы их не пустили. Правда, одна старуха все рвалась. Настырная такая, я, кричит, общественница, из совета ветеранов. Но мы не пустили никого, кроме понятых, а их я из домоуправления пригласил. Паспорт Бортникова, точнее, его фото в паспорте, показывали жильцам, правда, никто его не опознал.

– Не опознал или не захотел опознавать, – возразил Никита. – А вы абсолютно всех опросили?

– Погоди, тут у меня рапорты есть, – Свицерко порылся в папке. – Так, кого удалось опросить во время осмотра и обхода дома. Опросили неких Гринцер Надежду Иосифовну... Она милицию первый раз как раз вызывала, и Гринцер Аллу Борисовну. Алмазова опросили, некоего Олега Георгиевича, из двадцатой квартиры... Сажина Евгения Павловича, квартира одиннадцатая. Этот тоже по первому эпизоду еще, как Гринцеры и Алмазов, когда трупа еще не нашли, а только пятна крови на лестнице обнаружили. Далее, когда уже труп выплыл, голубчик, опросили неких Унгурияну Дмитрия, Загоруйко Тараса Тарасовича, Шмитовского Павла Мазеповича... Ну и отчество, мать моя, был бы Кочубеевичем уж лучше... И Пилипенко Ивана Афанасьевича, номера паспортов, адреса временной регистрации... Это как раз бригада рабочих, что в пятнадцатой квартире работала. Все приезжие с Украины, в Москве зарегистрированы временно, разрешения на работу нет. Теперь с ремонтной фирмой разбираться насчет них придется. Так, а это вот еще жильцы опрошенные – из квартиры на седьмом этаже Зотова Клавдия Захаровна, Зотова Зоя Алексеевна, Зотов Игорь... Выводок целый, семья. С четвертого этажа «опрошена через дверь»...

– Как? – переспросил Колосов.

– Ну, через дверь... Ну, дам я Соловьеву, – Свицерко аж кулаком по рапорту стукнул. – Работать с людьми не умеет! Дверь даже ему не открыли... Квартира под номером девять. Некто Тихих Станислав Леонидович, так через дверь

показания и давал. Никакой полезной информации не представил. Еще была опрошена гражданка Герасименко Светлана Михайловна. Тоже информацией о личности убитого, с ее слов, не располагает.

- Это что, все?

- Все, кто опрошен сразу на месте происшествия. А квартир гораздо больше. Ничего, будем разбираться теперь и с квартирами, и с жильцами. Железный список, Никита, составим. Мои уже все озадачены, работают.

- Ты уж поторопись, - сказал Никита. - А то три дня прошло, а мы еще даже не в курсе, кто в теремочке живет.

- Ты меня обижаешь. - Свицерко оглядел своих, сразу насторожившихся при этом замечании, сыщиков. - Слыхали? Вот как о нас думают. Я сказал - сегодня железный список будет. С полной биографией каждого, с фото, хоть в контрразведку посылай.

Колосов лишь неопределенно пожал плечами, что означало: он плохо верит обещаниям, но пока старается быть вполне лояльным.

Глава 11

«Железный список»

Однако сомневался Колосов напрасно: список появился. И скорее, чем Никита думал. Это был истинный образец оперативного творчества - несколько листов бумаги, столбики цифр - номера - и рядом перечень фамилий. А к ним рапорт-комментарий на девятнадцати страницах, набранный на компьютере с приложенными фотоснимками.

Свицерко придирчиво изучил бумаги и потом воскликнул:

- Да тут все ясно как день!

– Это окончательный вариант? Или будут какие-то дополнения? – съязвил Колосов.

Но коллега ответил вполне благодушно:

– Вариант окончательный, а дополнения будут. Как не быть, Никита? Все тут как по нотам – фамилии жильцов, номера квартир, этажи, метры, справка из домоуправления вот, показания техника-смотрителя, – он алчно потер руки. – Дом у нас девятиэтажный? Чудненько. Тогда согласно собранным данным начинаем отсчет. На первом этаже магазины: обувной, цветочный, продуктовый. Раньше вроде один магазин «Смена» был, а теперь вон их сколько. Ставим первому этажу знак минус. Согласно справке из домоуправления квартиры на втором и третьем этажах после капитального ремонта выкуплены фирмой по продаже недвижимости «Бонус» и сдаются в аренду под офисы. Все площади пока свободные, заявок на аренду не поступало. Совсем чудненько. Ставим еще два минуса. Так, теперь четвертый этаж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tatyana-stepanova/klyuch-ot-mirazha>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)